

**Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Поволжская академия образования и искусств
имени Святителя Алексия, митрополита Московского»**

Кафедра зарубежной филологии

Направление подготовки 45.03.01 Филология
Направленность (профиль) «Зарубежная филология
(английский язык и литература; теория и практика перевода)»

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему:

Вербализация концептов «добро» и «зло» в английской лингвокультуре (на материале романа Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту»)

Выполнила студентка
4 курса группы ЗФ-401
очной формы обучения
Ефимова Глория
Александровна
(Ф.И.О.)

(подпись)

Научный руководитель
Лосинская Елена
Владимировна,
к.филол.н, доцент
(Ф.И.О., должность, уч.степень, уч.звание)

(подпись)

Допустить к защите:

Заведующий кафедрой

«Зарубежная филология» _____ Фадеева Л.Ю.

« ____ » _____ 2024 г.

Тольятти
2024

**Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Поволжская академия образования и искусств
имени Святителя Алексия, митрополита Московского»**

Кафедра зарубежной филологии

Направление подготовки 45.03.01 Филология
Направленность (профиль) «Зарубежная филология
(английский язык и литература; теория и практика перевода)»

УТВЕРЖДАЮ

Зав. кафедрой филологии

Фадеева Л.Ю.

(подпись)

(И.О.Ф.)

« ____ » _____ 20__ г.

ЗАДАНИЕ

на выполнение бакалаврской работы

Студентка Ефимова Глория Александровна

1. Тема: Вербализация концептов «добро» и «зло» в английской лингвокультуре (на материале романа Р. Брэдли «451 градус по Фаренгейту»)
2. Срок сдачи законченной бакалаврской работы 04.06.2024
3. Исходные данные: научная литература, периодические издания, интернет-ресурсы
4. Содержание работы: Введение: актуальность, цель и задачи исследования, объект и предмет исследования, практическая значимость, структура ВКР.
5. Ориентировочный перечень графического и иллюстративного материала: таблицы
6. Дата выдачи задания «01» февраля 2024 г.

Научный руководитель

_____ Е.В. Лосинская

(подпись)

(И.О.Ф.)

Задание принял к исполнению

_____ Г.А. Ефимова

(подпись)

(И.О.Ф.)

**Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Поволжская академия образования и искусств
имени Святителя Алексия, митрополита Московского»**

Кафедра зарубежной филологии

Направление подготовки 45.03.01 Филология
Направленность (профиль) «Зарубежная филология
(английский язык и литература; теория и практика перевода)»

УТВЕРЖДАЮ

Зав. кафедрой Филологии
_____ Фадеева Л.Ю.
(подпись) (И.О.Ф.)
« ____ » _____ 20__ г.

КАЛЕНДАРНЫЙ ПЛАН

выполнения бакалаврской работы

Студентки Ефимовой Глории Александровны

по теме «Вербализация концептов «добро» и «зло» в английской
лингвокультуре (на материале романа Р. Брэдбери «451 градус по
Фаренгейту»)»

	Наименование раздела работы	Плановый срок выполнения раздела	Фактический срок выполнения раздела	Отметка о выполнении
1.	Поиск и анализ литературы и других источников, их предварительное изучение, подготовка списка источников	01.02.24	01.02.24	Выполнено
2.	Формирование плана исследования, его содержания и структуры	10.02.24	10.02.24	Выполнено
3.	Написание разделов ВКР	06.05.24	06.05.24	Выполнено

	Введение	01.03.24	01.03.24	Выполнено
	1 глава	25.04.24	25.04.24	Выполнено
	2 глава	06.05.24	06.05.24	Выполнено
4.	Формирование выводов и практических рекомендаций. Написание заключения	11.05.24	11.05.24	Выполнено
5.	Оформление работы	17.05.24	17.05.24	Выполнено
6.	Предзащита бакалаврской работы	18.05.24	18.05.24	Выполнено
7.	Исправление замечаний	31.05.24	31.05.24	Выполнено
8.	Представление бакалаврской работы на кафедру	04.06.24	04.06.24	Выполнено
9.	Получение отзыва от руководителя	04.06.24	04.06.24	Выполнено
10.	Получение справки о проценте оригинального текста	18.05.24	18.05.24	Выполнено
11.	Подготовка доклада и иллюстративных материалов для защиты	08.06.24	08.06.24	Выполнено
12.	Изучение отзыва руководителя. Подготовка ответов на замечания	04.06.24	04.06.24	Выполнено

Научный руководитель

_____ Е.В. Лосинская
(подпись) (И.О.Ф.)

Задание принял к исполнению

_____ Г.А. Ефимова
(подпись) (И.О.Ф.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. Теоретические основы исследования концептов «добро» и «зло» ...	8
1.1 Понятие концепта и подходы к определению термина	8
1.2 Структура концепта и методы его изучения	13
1.3 «Добро» и «зло» в англоязычной картине мира	21
Выводы по главе 1	47
ГЛАВА II. Объективация концептов «добро» и «зло» в романе Р. Брэдли «451 градус по Фаренгейту»	49
2.1 Роман «451 градус по Фаренгейту» в творчестве Р. Брэдли	49
2.2 Лингвостилистические средства изображения концептов «добро» и «зло»	61
Выводы по главе 2	67
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	69
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	72

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена исследованию средств вербализации концептов «добро» и «зло» в английской лингвокультуре на материале романа Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту».

Роман Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» является одним из самых известных произведений футуристической литературы XX века. В произведении автор представляет читателю свою версию будущего, где книги запрещены, а люди живут в постоянной иллюзии счастья и безмятежности. Автор исследует не только негативные последствия тотальной цензуры и уничтожения книг, но и основные концепты «добро» и «зло».

В данной работе мы рассмотрим, как автор использует эти концепты для создания образа своего будущего и средства вербализации концептов, создающих фрагмент англоязычной картины мира.

Актуальность работы вызвана широким интересом к концептам добра и зла как наиболее распространенным и важным. Они помогают авторам создавать образы своих персонажей и развивать сюжеты. В романе Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» эти концепты играют ключевую роль в представлении будущего общества.

Объект исследования – концепты в художественном тексте.

Предмет исследования - средства вербализации и объективации концептов «добро» и «зло».

Целью исследования являются лингвостилистические средства объективации концептов в художественном тексте.

Реализация поставленной цели предполагает решение **следующих задач**:

- 1) изучить понятие концепта и подходы к определению термина;
- 2) рассмотреть структуру концепта и методы его изучения;
- 3) изучить англоязычную картину мира и представление добра и зла в лингвокультуре;

- 4) систематизировать способы объективации и вербализации концептов в романе Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту».

Теоретической базой исследования являются труды по лингвокультурологии и концептологии Н. Б. Подвигиной, И. В. Вашуниной, А. А. Рыжкиной, Ю. Титовой, Т. Б. Асановой, А. Н. Гаиповой, С. Нигораи, Ю. С. Степанова и других. Детальному изучению языковой картины мира и английской, в частности, посвящены работы Е. А. Вольниковой, Ю. М. Кривошеевой, М. Ф. Хаметовой, Л. Ю. Козловой, А. А. Гвоздевой и других. Изучением концептов «добро» и «зло» занимались Т. Г. Орлова, Е. Ф. Никулина, Л. В. Колижук и другие.

Основными **методами исследования** являются описательный метод при изложении процесса и результатов исследования, метод сплошной выборки, позволивший отобрать предложения с лингвостилистическими средствами, характерными для данного произведения, описательно-аналитический метод, посредством которого был обработан отобранный лингвостилистический материал.

Материалом исследования являются оригинал романа Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» общим объемом 207278 печатных знаков.

Практическая значимость заключается в полезности исследования и возможности использования его материалов в курсах по лингвокультурологии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Представленные структурные компоненты концептов «добро» и «зло» в произведении Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» отличаются от словарных дефиниций своей социально-ментальной направленностью.
2. Лингвостилистический анализ концептов «добро» и «зло» позволяет реконструировать фрагмент языковой картины Р. Брэдбери.

Структура работы: работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка, насчитывающего 70 наименований. В первой главе рассматривается теоретическая база концепта, его структура, методы

изучения и непосредственно «добро» и «зло» в английской лингвокультуре. Во второй главе изучается роман в контексте творчества Р. Брэбери, проблемы, поднимаемые автором, и представление вышеупомянутых концептов в произведении с помощью лингвостилистических средств. В заключении приводятся выводы исследования.

Апробация работы: выступление на V Рождественских чтениях Тольяттинской епархии «Православие и отечественная культура: потери и приобретения минувшего, образ будущего». Доклад: Лингвостилистические средства вербализации концептов «добро» и «зло» в произведении Р. Брэбери «451 градус по Фаренгейту». По результатам выступления подготовлена статья для печати в научно-педагогическом журнале «Педагогический форум».

Выступление на VII Региональной молодежной научно-практической конференции «Поволжский фестиваль науки». Доклад: «Лингвостилистические средства объективации концептов «добро» и «зло» в идиолекте Р. Брэбери. По итогам выступления подготовлена статья: Поволжский фестиваль студенческой науки: материалы докладов VII Региональной молодежной научно-практической конференции, Тольятти, 2024года / отв. ред. прот. Д. Лескин. – Тольятти : Поволжская академия Святителя Алексия, 2024 (в печати).

ГЛАВА I. Теоретические основы исследования концептов «добро» и «зло»

1.1 Понятие концепта и подходы к определению термина

Проблема описания сущности концепта является актуальным вопросом для современной лингвистической науки. Совокупность концептов создает картину мира, в которой отражается понимание реальности. Человек живет в мире концептов, которые возникают по мере интеллектуального, духовного и социального становления. Анализом концептов и осмыслением языковой картины мира занимается сравнительно молодая отрасль научного знания – когнитивная лингвистика. Концептосфера как феномен ментальности, сочетание взглядов народа и каждой личности на реальность и совокупность концептов является одним из направлений для изучения [2].

Впервые слово «концепт» в русской научной речи было употреблено А.С. Аскольдовым в начале 20 века, но границы понятия начали обозначаться только в начале 1980-х годов. Вопрос о дефинициях этого термина остается открытым и характерным для русского узуса, где это слово является заимствованным [35].

Термин «концепт» закрепился в отечественных и зарубежных гуманитарных науках в начале 1990-х годов. В силу его междисциплинарности потребовалась выработка единой системы терминов для разных гуманитарных исследований. Так, определение концепта нашло широкое использование не только в когнитивной лингвистике и культурологии, но и в других науках. Проводя анализ концепта, мы изучаем его понятие в нескольких гуманитарных отраслях одновременно – лингвистике, литературоведении, логике, философии, искусствоведении и культурологии.

В современной когнитивной лингвистике понятие концепта утвердилось как наиболее употребительное, однако этому предшествовал длительный период, сопровождающийся произвольностью и неточностью его

употребления, размытостью границ и смешением с близкими по значению или языковой форме терминами.

Такие термины как «концепт» и «понятие» нередко рассматриваются как эквиваленты в силу того, что слово «понятие» калькирует латинское «conceptus». Как отмечает Ю.Н. Кольцова, «концепт», как и термин «понятие», отражает форму жизненной реальности человеческой психики. Существуют различные научные точки зрения по поводу определения термина «концепт», отсюда и множество дефиниций в лингвистике, так как анализ лингвистической литературы свидетельствует о неоднозначном отношении ученых к пониманию терминов «понятие» и «концепт». Когнитивная психология отделила концепт от понятия, таким образом, в настоящее время эти термины довольно четко разграничены.

Термин «понятие» используется в логике и в философии, а концепт выступает как термин математической логики, культурологии, а также широко используется во многих гуманитарных науках. Концепт включает в себя не только рациональную репрезентацию окружающей реальности, но и форму эмоционального восприятия [2].

Так, понятие «значение» и «концепт» различны. Концепт – продукт когнитивного сознания человека, значение – продукт языкового сознания. Концепт может содержать множество значений, в то время как значение лишь образует концепт и является лишь частью смыслового содержания концепта. Компоненты лексического значения передают базовые концептуальные признаки, но не в полном объеме. Когнитивные признаки значения образуют содержание концепта. Значение слова, семема также имеет когнитивный характер – оно состоит из семем, репрезентирующих и представляющих в речи отдельные когнитивные признаки, образующие содержание концепта.

Для интерпретации всего содержания концепта необходимы многочисленные лексические единицы, а значит – значения многих слов. При рассмотрении проблемы терминологической дифференциации необходимо учитывать, что концепт – единица концептосферы, значение – единица

семантического пространства языка. Исходя из этого, структура концепта сложнее и насыщеннее, чем значение.

Разницу между значением и концептом также можно наблюдать, сравнивая синонимичные слова и группы слов, выражающие одни и те же понятия, но обладающие лингвистическим значением, которое ощущается как различное в каждой из желаемых единиц [34].

По словам Лихачева Д. С., концепт – это мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода [4].

А. П. Бабушкин считал, что это понятие не адаптировалось как термин в научной литературе, писалось как «conceptualrepresentation» и передавалось на русский язык как «семантическое представление, «conceptuallybased» – «семантически ориентированный», «conceptualdependencies» – «смысловые связи», а слово «concepts» – как «смысловые элементы [4].

Структурная организация концепта, его неоднородность, насыщенность и многоплановость были выявлены с самого начала когнитивных исследований. Взгляды на основные компоненты концептов были различались. С. Г. Воркачев обозначил в концепте образную, значимую составляющую – этимологические, ассоциативные характеристики концепта и понятийную составляющую, определяющие его место в лексико-грамматической системе языка. Н. Ф. Алефиренко рассматривал концепт как мыслительный образ, состоящий из горизонтальной (наглядные образы и логические понятия) и вертикальной оси (поверхностные и глубинные смысловые слои) [4].

Вследствие множества точек зрения существует несколько подходов к определению термина «концепт»: психологический, логический, логико-понятийный, философский, культурологический и семантический.

С. А. Аскольдов и Д. С. Лихачев рассмотрели психологический подход, согласно которому концепт является мысленным образованием, выполняющим заместительную функцию. Он может быть определен для

каждого словарного значения слова. В человеческом сознании то или иное слово вызывает определенный набор признаков или логическое понятие, но не значение во всей его сложности, оно интерпретируется по-своему в зависимости от взглядов, ценностей, культурной основы и т.д. Психологический подход способствует возникновению различных ассоциаций и смысловых переносов и характеризуется с точки зрения отдельного носителя языка [4].

Логический подход рассматривается в работах Н. Д. Арутюновой. Наиболее широко он представлен в серии коллективных монографий «Логический анализ языка», где концепты определяются как понятия практической философии. Согласно этому подходу, концепт употребляется в узком смысле и относится к понятиям мировоззрения, которые составляют важную основу культуры. Так, противопоставляется научное и «наивно» знание, в отличие от психологического подхода, где рассматривается индивидуальное и коллективное [4].

А. Вежбицкая предлагает логико-понятийный подход, согласно которому концепты рассматриваются как инструменты познания внешней действительности. Так как концепты выступают продуктами мыслительной деятельности, то для их полного понимания требуется описание в виде объяснительных конструкций для анализа окружающей реальности. А. Вежбицкая предлагает использовать синтез двух традиций, где концепция прототипов может существенно дополнить семантическое описание и использоваться вместе.

Философский подход рассматривается в работах В. В. Колесова. По его мнению, философия является отражением национальной ментальности, а концепт, в свою очередь, рассматривается основной единицей ментальности. Он есть «внутренняя форма», которая в границах словесного знака и языка в целом предстает в своих содержательных формах как образ. В данном подходе изучаются основы концептуальной системы, которая отражается в текстах по развитию русской ментальности [4].

Ю. С. Степанов изучал концепт с помощью культурологического подхода. Его суть состоит в том, что концепт и понятие принадлежат к различным областям знания: понятие – логики и философии, а концепт – математической лингвистики и культурологии. Ю. С. Степанов обращает внимание на взаимосвязь языка и культуры. Так, синонимом слова «концепт» является «смысл». В структурном отношении концепты аналогичны концептам в математической логике и включают большее количество компонентов, состоя из различных слоев культуры [4].

Семантический подход в изучении концептов рассматривается в монографии А. П. Бабушкина «Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка» (1996), где концепт исследуется в рамках когнитивной семантики. Отдельное внимание обращается на коллективный, надличностный характер концептов. Согласно данному подходу, концепты соответствуют содержанию семем данного языка, поскольку в значениях слов содержится результат познания действительности [4].

Так, психологический подход характеризует концепт с точки зрения отдельного носителя языка, логический подход относит концепт к понятиям мировоззрения, логико-понятийный подход рассматривает концепты как инструменты познания действительности, философский подход определяет концепт как единицу ментальности, культурологический подход отождествляет слово «концепт» со словом «смысл», а семантический подход проводит соответствие между концептами и содержанием семем языка.

Представленные подходы предлагают свои определения термина концепт, раскрывают особенности взаимодействия концептов между собой, образуя «концептосферу» (Д. С. Лихачев), «культурный слой» (Н. Д. Арутюнова). Многоплановость определений характеризуется глубиной явления.

Концепт – это единица речи, мышления или памяти, отражающая языковую картину мира народа. Он отличается высокой степенью абстрактности, это единица когнитивного уровня, вбирающая в себя понятия

и значения: исходная форма (этимология), аксиологическая оценка, ассоциации, абстракции, ментальные изоглоссы. Это единицы мышления, их основное предназначение - обеспечивать его процесс [4].

Так, проблема определения термина концепта актуальна в современной лингвистике. В данной работе концепт рассматривается как определенный набор признаков или логическое понятие, характеризующееся с точки зрения отдельного носителя языка.

1.2 Структура концепта и методы его изучения

Изучение концепта предполагает его структурирование и использование некоторых методов для его анализа.

Существует точка зрения, согласно которой невозможно представить концепт как структуру из-за его постоянного структурирования. Причина заключается в его активной динамической роли в процессе мышления и постоянном функционировании [49]. Однако попытки создать модель концепта продолжают, поскольку это позволяет понять его внутреннюю организацию и системные связи между его элементами. Важно отметить, что любая модель концепта будет обобщенной и лишь интерпретацией самого концепта.

Концепт, возникнувший как чувственный образ, приобретает новые концептуальные признаки в процессе своего формирования, содержащие всю коммуникативно-значимую информацию о предмете, который лежит в его основе. Интерпретация значений концепта постоянно уточняется и изменяется, так как концепты не остаются неподвижными сущностями после своего возникновения, а становятся частью системы и подвергаются влиянию других концептов, что способствует их развитию и уточнению. Количество концептов и содержание их информации постоянно меняются [39].

Основой для образования концепта считается явление реальной действительности, которое становится объектом оценки. Оценивание

является моментом возникновения концепта в сознании носителя культуры и языка. Помимо ценностной составляющей, в структуру концепта входят образный и понятийный элементы. Образная составляющая концепта связана со способом познания действительности, понятийная составляющая образуется с помощью фактической информации о реальном или воображаемом объекте [49].

По словам Ю. С. Степанова, понятийный элемент включает в себя три слоя концепта. Первый слой – это актуальный основной признак; во второй слой входит один или несколько дополнительных признаков, называемые «пассивными»; третий слой – это внутренняя форма концепта, запечатленная в словесной форме. Актуальный основной признак концепта или так называемый первый слой имеет место быть для всех пользователей языка, то есть концепт является средством общения и включается как в общение, так и в мыслительные процессы. «Пассивные» признаки концепта активизируются в общении только некоторых социальных групп. Внутренняя форма только изучается исследователями [49].

По мнению С. Г. Воркачева, концепт состоит из понятийной, образной и значимостной составляющих. Так, понятийный элемент включает в себя признаковую и дефиниционную структуру, образный – когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в сознании, значимостный – этимологические и ассоциативные характеристики концепта.

В. И. Карасик утверждает, что концепт состоит из образно-перцептивного компонента, понятийного компонента и ценностной составляющей.

З. Д. Попова, И. А. Стернин разработали следующую структуру концепта: базовый слой (ядро концепта), информационное содержание и интерпретационное поле концепта. Базовый слой включает в себя чувственный образ, который кодирует концепт для мыслительных преобразований. На базовый слой могут наслаиваться дополнительные когнитивные признаки.

Чувственный образ в свою очередь образуется следующими компонентами:

- 1) перцептивные когнитивные признаки, формирующиеся в сознании носителя языка и культуры в следствие восприятия окружающей среды с помощью органов чувств;
- 2) образные признаки, вытекающие из метафорического осмысления предмета или явления. Образ может называться метафорическим при том условии, если он отсылает абстрактный элемент к материальному миру.

Информационное содержание концепта включает в себя минимальное количество когнитивных признаков, определяющих наиболее конкретные и важные отличительные черты концептуализируемого предмета или явления. Информационное содержание близко к словарной дефиниции и включает в себя только денотат концепта.

Интерпретационное поле концепта представляет собой набор слабо структурированных утверждений, отражающих толкование отдельных характеристик и их комбинаций в рамках данной культуры. Это поле концепта составляет его периферию и включает несколько зон с сходными когнитивными признаками:

- Оценочная зона, объединяющая когнитивные признаки, выражающие общую, эстетическую или интеллектуальную оценку.
- Энциклопедическая зона, объединяющая характеристики концепта, требующие опыта, обучения и взаимодействия с ним.
- Утилитарная зона, отражающая утилитарное и прагматическое отношение к денотату концепта.
- Регулятивная зона, определяющая правила поведения в контексте концепта.
- Социально-культурная зона, связывающая концепт с бытом и культурой народа.

- Паремиологическая зона, объединяющая концепт с пословицами и поговорками.

Информационная основа концепта представляет его образ и содержание, которые могут быть структурированы. Интерпретационное поле является менее структурированной частью концепта, описываемой как перечисление характеристик.

Методика исследования концептов включает интерпретацию значений конструкций, выявление частотных характеристик и обобщение особенностей концептов для определения их когнитивных структур и языковых схем в различных языках [50].

По мнению Н. В. Крючковой, для анализа концепта в его текущем состоянии требуется проведение синхронного исследования представлений о концепте в лексико-семантических системах языков, дополненное анализом результатов ассоциативных экспериментов и изучением дискурсивного использования слов, являющихся лексическими представлениями концепта. Такой подход позволяет выявить содержание, которое относят носители различных языков к определенным понятиям, а также обнаружить связи между концептами в концептуальной системе языковых сообществ. Результаты ассоциативных экспериментов помогают выявить наиболее актуальные признаки концепта с точки зрения современного сознания [26].

Основные этапы семантико-когнитивного исследования могут быть представлены следующим образом:

1. Формирование номинативного поля концепта.
2. Исследование семантики языковых единиц, входящих в номинативное поле концепта.
3. Когнитивный анализ результатов исследования семантики языковых единиц для выявления когнитивных характеристик, определяющих концепт как ментальную единицу.
4. Проверка полученного когнитивного описания у носителей языка.
5. Составление списка когнитивных признаков содержания концепта.

Результатом моделирования концепта в рамках лингвоконцептологического исследования является словесная или графическая модель концепта в виде полевой структуры. При создании словесной модели концепт описывается словами, выделяются ядро и периферия. Преимущество графической модели состоит в наглядности полевой структуры.

Так, любая модель концепта – это упрощенное представление концепта, приближенное к нему как ментальной единице [50].

Рассмотрим методы, предложенные Ю. С. Степановым.

1. Метод определения буквального смысла или внутренней формы.

Впервые возник вопрос о методе и был применен к третьему слою, поскольку этот слой имеет более давнюю историю. С. Степанов предлагает метод, который заключается в том, чтобы «при изучении народных обрядов, поверий, обычаев искать их непосредственный, прямой, буквальный смысл или внутреннюю форму (слова, обычая, обряда)» [47].

2. Исторические методы.

Этот метод наиболее подходит для второго слоя - пассивного.

Основная идея исторического метода заключается в том, что "история культурных концепций строится как последовательность концепций". То есть необходимо изучать концепции на основе данных, существовавших ранее и передававшихся из поколения в поколение. Одно из мнений гласит: «Обращение к историческому прошлому слова может помочь в уяснении его смысла» [55].

3. Социальные методы.

Третий метод применяется к актуальному слою. Поскольку объектом изучения культурологии являются не понятия, а способы их психического существования в сознании индивида, то концепции можно рассматривать как «некое коллективное достояние русской духовной жизни и всего русского, российского общества» [47].

4. Экспериментальные методы.

Экспериментальные методы — это способы изучения концепций, при помощи которых это явление анализируется в условиях речевой практики. Экспериментальные методы применимы ко всем слоям концепта.

Использование ассоциативного эксперимента позволяет получить информацию эмоционального и оценочного характера, а также выделить ключевые элементы концепта [6].

На данный момент есть довольно много видов ассоциативного эксперимента, созданы различные типологии ассоциаций, позволяющие получить конкретные результаты, на материале различных языков, изданы словари ассоциативных норм. Анализ ассоциаций позволяет приблизиться к ментальному лексикону и культурным стереотипам народа.

Методика ассоциативного эксперимента доказала свою эффективность в исследовании лексики по мнению ряда ученых, таких как А.А. Леонтьев, Е.С. Кубрякова. По словам А.А. Леонтьева ассоциативные нормы показывают продукт массового эксперимента, что позволяет их использовать как источник уникальной лингвистической информации [46].

Этимологический анализ дает возможность изучить раннюю историю концепта и развитие новых или исчезновения семантических признаков, составляющих содержание концепта [11].

В целом, для изучения концепции необходимо обращаться к истории, этимологии и ассоциациям. Данные можно изучить как с помощью словарей, так и выявить экспериментально.

Однако для полного описания концепции недостаточно только лексикографических данных - также необходимо рассмотреть деривационные связи лексемы и ее употребление в текстах [45].

Сегодня все больше лингвистов обращаются к методике фреймового анализа, поскольку каждая языковая структура связана хотя бы с одним фреймом. Этот анализ наиболее подходит для слов с пропозициональным значением [45].

Так же структурирование концепта может быть выполнено по двум параметрам: содержательному и по частотности. При использовании содержательного параметра анализируются понятийная, образная и оценочная составляющие, а структурирование по частотности включает выделение ядра и периферии концепта. Затем модели объединяются, что приводит к изменению соотношения ядра и периферии. Компоненты концепта могут быть разделены на несколько групп:

1) составляющие ядра концепта, представленные как в вербальной, так и визуальной форме, считаются ядром концепта;

2) элементы ядра концепта, присутствующие только в одном из представлений (вербальном или визуальном), а в другом относящиеся к периферии (эта группа может также рассматриваться как часть ядра с условным размещением на границе с периферией);

3) компоненты ядра концепта, присутствующие только в одном представлении и отсутствующие в другом (относятся к периферии концепта);

4) элементы периферии концепта в обоих представлениях (периферия концепта);

5) компоненты периферии концепта, представленные только одним способом, но отсутствующие в другом (дальняя периферия концепта).

Этот метод помимо выявления и структурирования содержания концепта направлен на выявление возможного манипулятивного воздействия на индивида со стороны средств массовой коммуникации [12].

Таким образом, описывая какой-либо конкретный концепт, нужно использовать методы описания, перечисленные выше, выявить элементы концепта и обозначить их взаимосвязи.

Анализ концептов является очень важным для лингвистических исследований, он позволяет более глубоко рассмотреть многие культурные ценности и сферы культурного мира, а также выделить отличительные компоненты ассоциативных рядов, особенности употребления концептов, а

также выявить особенности содержания ментальной единицы, концепта, обусловленные культурно-историческим развитием нации [43].

Наиболее глубоким методом изучения концепта является концептуальный анализ, который является одним из способов реконструкции языковой картины мира.

Главной целью концептуальных исследований является описание признаков и сравнение представлений о мире в различных языках. Концептуальный анализ направлен на выявление глубоких значений слов, связанных с окружающим миром, сознанием и мышлением человека. Он заключается в обнаружении и описании содержания концептов, хотя в современной когнитивной науке нет общепринятого подхода к методике концептуального анализа. Методика концептуального анализа включает в себя использование различных приемов, таких как концептуальное моделирование, фреймовый и прототипический анализ, а также анализ структуры и содержания концептов через значения языковых единиц, их словарные определения и речевые контексты. Сравнение различных способов представления концепта в языке и речи позволяет выявить основное содержание концепта и принципы организации языкового материала [31]. Методика концептуального анализа, предложенная Л.Г. Бабенко, включает выявление ключевых слов текста, описание концептуального пространства, определение базовых концептов этого пространства путем изучения текстов одного автора и обобщения контекстов использования ключевых слов [5].

Изучение методик анализа концептов показало, что их можно разделить на две основные группы в зависимости от подхода. Первая группа включает методики, основанные на лексикографическом описании ключевых слов и контекстном анализе функций и отношений между ними, что можно назвать «отсистемным» подходом. Вторая группа методик основана на анализе концептов в тексте, что можно назвать «оттекстовым» подходом. Этот подход представляет особый интерес для нашей работы, поскольку мы рассматриваем концепты "добро" и "зло" на примере произведения Р.

Брэдбери «451 градус по Фаренгейту». По словам Г. В. Колшанского, исследование концептов через тексты позволяет более глубоко понять природу и содержание концептов, что делает «оттекстовый» подход значимым для изучения языковой картины мира автора [24].

Предложенный «оттекстовый» подход базируется на анализе концептов в художественных текстах и включает несколько задач: выявление лексической сочетаемости ключевого слова, описание индивидуально-авторских концептов, построение текстовых полей, анализ семантического развития слов-репрезентантов концепта. При анализе художественного текста основная цель заключается в выявлении способов представления концепта и реконструкции авторской картины мира. Каждый носитель языка имеет индивидуальные особенности в понимании мира, поэтому исследователю важно выявить слои, на которых строится авторский концепт и какие элементы формируют авторскую картину мира.

Структура концепта многогранна и подразумевает несколько слоев, составляющих и компонентов. Для изучения концепта применимы различные методы, используемые для рассмотрения отдельных слоев, истории концепта, взаимосвязи компонентов концепта и реконструкции картины мира. В данной работе используется оттекстовый подход к изучению концепта на примере произведения Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту».

1.3 «Добро» и «зло» в англоязычной картине мира

Исследователи отмечают, что концепт принадлежит этнокультурному миру человека. Изучение и познание концепта способствует воссозданию этнокультурного образа и выделению особенностей менталитета носителя языка.

Культура – это совокупность концептов различного уровня сложности, которые образуют ценностную картину мира, являющуюся системой, где концепты выступают в роли системообразующих факторов [53].

Понятие картины мира находится в настоящее время в стадии своего формирования: предпринимаются попытки построения его развернутого определения, обсуждаются вопросы теоретического отграничения картины мира от близких феноменов и выявления свойств и форм ее существования [14].

Начиная с 60-х годов XX века, проблема представления мира обсуждается в контексте семиотики при анализе первичных моделирующих систем (языка) и вторичных (мифа, религии, фольклора, поэзии, прозы, кино, живописи, архитектуры и т.д.). В этом случае культура определяется как "ненаследственная память коллектива", и ее главной целью является структурная организация окружающего мира, что отражается в модели мира. Следовательно, различные знаковые системы моделируют мир по-разному, что означает, что разные языки формируют различные модели мира.

Подход к термину «картина мира» различается в философии, языкознании, физике и других дисциплинах. М. Планк интерпретировал физическую картину мира как «образ мира», созданный физической наукой и отражающий реальные закономерности природы. Он различал практическую и научную картину мира, где первая связана с общим представлением человека о мире, а вторая представляет собой модель реального мира независимо от индивидуальных личностей [22].

В.И. Карасик определяет картину мира как «целостное собрание образов реальности в коллективном сознании». Он считает, что образы и понятия являются составными частями этой картины. Образы — это восприятия, созданные в сознании, а понятия - это общие мысли о классах предметов или явлений.

Картина мира - это сложная система образов, отражающих действительность в коллективном сознании. Существует научная и наивная картины мира. Первая основана на терминах и знаниях, а вторая более диалектична и допускает противоречивые определения [22].

В. Гумбольдт подчеркивал, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия». Особенность духа и строение языка какого-либо народа, – пишет В. Гумбольдт, – так между собой внутренне связаны, что если бы одно из них было дано, второе должно быть из него выведено. Язык является также внешним проявлением духа народов. Язык – это их дух, а их дух – это их язык. Никогда не удастся в достаточной степени выразить их идентичность» [51].

Языковая картина мира предшествует специализированным картинам мира (химической, физической и другим), поскольку человек понимает мир и самого себя через язык, который сохраняет общественно-исторический опыт. Национальные особенности определяют специфику языка на всех уровнях, формируя определенную языковую картину мира в сознании его носителей [22].

Картина мира характеризуется как по содержательным, так и по формальным признакам. Среди содержательных характеристик картины мира можно выделить следующие особенности: она отражает человеческую субъективность; содержит основные черты мировоззрения человека; является космологической и антропоморфной одновременно; предполагает обязательность действия в условиях частичного осознания; безусловно верна для своего обладателя; представляет собой диалектическое единство статического и динамического, стабильности и изменчивости, конечного и бесконечного. К формальным характеристикам картины мира относятся следующие особенности: она служит регулятором широкого действия; всегда имеет пробелы; обладает пластичностью, подвижностью, множественностью вариантов; имеет свои ограничения в сложности и детализации; наглядна и образна; обладает системным характером и является конкретной и цельной.

Картина мира рассматривается как основной компонент мировоззрения человека. Феномен «картина мира» существует с тех пор, как существует сам человек. Однако только недавно он стал объектом философского анализа. Самым адекватным определением картины мира является представление ее

как первоначального глобального образа мира, лежащего в основе мировоззрения человека, отражающего сущностные свойства мира в понимании его носителей и являющегося результатом духовной активности человека.

Картина мира содержит в себе образ мира, который создается человеком как субъективное отражение объективной реальности. Важным аспектом картины мира является ее внутренняя абсолютная достоверность для ее обладателя. Она воспринимается как смысловой двойник мира и представляет собой диалектическое единство статики и динамики, стабильности и изменчивости [14].

Одним из важных аспектов картины мира является ее стабильность. Однако, если рассматривать картину мира как образ мира, который постоянно уточняется и конкретизируется в процессе жизни человека, становится понятно, что она не является вечной даже в течение жизни одного человека. Картина мира постоянно корректируется, дополняется и уточняется по мере накопления опыта и знаний как отдельным индивидом, так и обществом в целом.

Если говорить о формальных свойствах картины мира, то можно отметить, что она является регулятором широкого действия и многие ее структурные особенности определяются этой функцией. Для того чтобы адекватно представить глобальный образ мира, субъект картины мира должен оставить ее недоработанной до конца. Несмотря на стремление к системности, картина мира всегда остается незаконченным изображением, не полностью дорисованным эскизом. Присутствие пробелов в картине мира не является ее недостатком, а следствием особенностей как мира, так и человека [14].

Исследуя отражение картины мира, во внимание следует принимать окружающую действительность, ее отражение в мозгу человека и выражение результатов этого отражения в языке. Познание мира через язык может быть подвержено ошибкам и заблуждениям из-за недостаточности

соответствующих факторов. Язык играет ключевую роль в формировании и сохранении знаний о мире, фиксируя результаты познания в словах. Совокупность этих знаний представляет собой то, что называется то как "языковой промежуточный мир" (В. И. Абаев), то как "языковая репрезентация мира" (Т. М. Дридзе), то как "языковая модель мира" (В. Гумбольдт), то как "языковая картина мира" (Б. А. Серебренников).

Между реальным миром и его языковой картиной существует тесная взаимосвязь, однако данные понятия могут быть различны. Картина мира может быть представлена с помощью пространственных, временных, количественных, этических и других параметров. На ее формирование влияют язык, традиции, природа и ландшафт, воспитание, обучение и другие социальные факторы [14].

Язык играет ключевую роль в процессе формирования и поддержания человеческих знаний о мире. Человек в ходе своей деятельности отражает окружающий мир и закрепляет познаваемое в словах. Набор таких знаний, фиксируемых в языковых структурах, в различных исследованиях описывается как «языковой промежуточный мир», «языковая репрезентация мира», или «языковая картина мира» [22]. Она включает в себя следующие аспекты:

1. совокупность знаний, выраженных на языковом уровне;
2. исторически сформированное восприятие мира, присущее конкретному языковому сообществу, отражённое через язык и представляющее конкретный вид концептуализации действительности [48].

Содержание языка, в особенности за пределами его грамматики, раскрывает культурный облик этноса и лежит в основе всех культурных стереотипов. Анализ языковой картины мира позволяет выявить особенности национальных культур и их взаимодействие в рамках глобальной культуры. Если бы слова несли только культурно-специфическое значение, исследование культурных различий было бы невозможно. Поэтому важно

учитывать универсальные характеристики языка при изучении национально-культурного контекста.

Взаимосвязь между языком и культурой невероятно сложна и многогранна. Язык может рассматриваться как часть культуры и в то же время как автономная семиотическая система, что часто делается в классической лингвистике [14].

Многие исследователи считают, что языковая картина мира формирует отношение человека к окружающему миру, включая природу, животных и самого себя как часть мира. Язык устанавливает нормы поведения человека и определяет его взгляды на мир. Каждый язык отражает уникальный способ восприятия и организации («концептуализации») мира.

Термин «языковая картина мира» часто рассматривается как метафора, поскольку специфические особенности языка народа отражают уникальный общественно-исторический опыт этой нации, придавая миру особую окраску. Факторы, влияющие на формирование языковой картины мира, включают язык, традиции, природу, образование и другие социальные аспекты.

Проблема взаимосвязи языка и культуры остается центральной в лингвистике. В работах В. Гумбольдта отмечается следующее:

- 1) материальная и духовная культура воплощаются в языке;
- 2) всякая культура национальна, ее национальный характер выражен в языке посредством особого видения мира; языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма;
- 3) внутренняя форма языка – это выражение «народного духа», его культуры;
- 4) язык есть опосредующее звено между человеком и окружающим его миром [51].

При упоминании национальной картины мира, в виду имеется относительность языкового восприятия. Человек, который владеет конкретным языком, автоматически приобретает способ видения мира, который типичен для его народа. Так, «языковая картина мира – это

совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в значениях языковых знаков – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [13].

Так, языковая картина мира – это совокупность знаний, запечатленных в языковой форме. Она формирует отношение человека к миру, так как язык отражает способ восприятия и «концептуализации» мира. Картина мира складывается из культуры, менталитета, национального характера, воспитания, обучения и других составляющих. Языковая картина мира социума формируется с детства посредством языка, который служит для пассивного и активного постижения понятий и концептов своего этноса [22].

Различные термины, такие как «национальный характер», «психологический склад нации» и другие, используются для описания самобытности и специфики каждой нации.

Понятие «психологический склад нации» введен С. М. Арутюнян. Оно означает «своеобразный национальный колорит чувств и эмоций, образа мыслей и действий, устойчивые и национальные черты привычек и традиций, формирующихся под влиянием условий материальной жизни, особенностей исторического развития данной нации и проявляющихся в специфике ее национальной культуры» [3].

Также распространенным понятием является «национальный характер», согласно которому это не просто совокупность своеобразных, присущих только данному народу особенностей, но специфический набор общечеловеческих черт [22].

С. Г. Тер-Минасова обращает внимание на суждения Н. А. Ерофеева о национальном характере в его исследовании об Англии и англичанах глазами русских: «Почему мы уверены, что большинство американцев деловиты, а большинство итальянцев музыкальны? Разве кто-нибудь подсчитывал действительное число тех и других в общей массе населения этих стран? И

почему на основании выборочных наблюдений и впечатлений мы можем испытывать к одному народу устойчивые симпатии, а к другому столь же стойкую антипатию? Причем эти чувства мы не только проносим через всю жизнь, но и завещаем их своим детям и внукам» [18].

Обратимся к анализу английского коммуникативного поведения, проведенного межрегиональным центром коммуникативных исследований Воронежского университета. По итогам исследования были выделены следующие черты английского менталитета и национального характера, способствующие формированию английской языковой картины мира:

1. умеренность: англичане предпочитают сдержанность в общении;
2. консерватизм: самым ярким примером является сохранение монархии и дань уважения королевской семье;
3. законопослушность: исследователи подчеркивают, что уважение к закону – источник национальной гордости англичан;
4. честность: часть кодекса джентельмена, для англичан важно честное поведение в любой игре. Самая честная игра в Англии – это крикет и фраза «It's not a cricket» является выражением неодобрения нечестного поведения;
5. вежливость: демонстрация правил поведения;
6. толерантность: англичане склонны к компромиссам; если возникает вынужденность сделать замечание, то оно выражается в очень мягкой форме или в виде просьбы;
7. уважение к собственности: нельзя критиковать собственность другого человека;
8. индивидуализм и невмешательство в чужие дела: существует понятие “privacy”;
9. дистанцирование;
10. чувство английского превосходства: английское – лучшее. Английское название «континентальный завтрак» означает «неанглийский», то есть некачественный;

11. прагматизм: англичане расчетливы, рациональной является и внешняя политика Великобритании, и внутренняя организация.

Так, английская культура относится к индивидуалистскому типу, а коммуникативно-релевантными чертами английского менталитета являются умеренность, эмоциональная сдержанность, некатегоричность, консерватизм в общественной жизни, законопослушность, вежливость как демонстрация соблюдения правил поведения, обходительность, «честная игра», чувство английского превосходства и коммуникативный оптимизм [22].

Рассмотрим ключевые концепты английской языковой картины мира.

Концепт «семья» универсален в своем существовании в разных культурах, однако имеет свои особенности. Он представлен в художественных, научных, публицистических текстах и зафиксирован в паремиологии. В. А. Маслова утверждает следующее: «Концептом становятся только те явления действительности, которые актуальны и ценны для данной культуры, имеют большое количество языковых единиц для своей фиксации, являются темой пословиц и поговорок, поэтических и прозаических текстов» [33].

Концепт «семья» занимает особое положение в английских фразеологии и рассматривается как духовная ценность. Фразеологизмы показывают позитивную и негативную стороны семейной жизни, например:

- «As the tree, so the fruit» – Яблоко от яблони не далеко падает.
- «One's (the) better half» – Дражайшая половинка; жена.
- «A black sheep» – «паршивая овца», позор семьи.
- «Get on like a house on fire» – Ладить друг с другом; жить душа в душу.
- «The quarrel of lovers is the renewal of love» – Милые бранятся, только тешатся.
- «Keep one's husband under one's thumb / Wear the breeches» – Держать под каблуком мужа.

- «To live like a cat and a dog» - Жить как кошка с собакой.
- «To live as on a volcano» – Жить как на вулкане. [28]

Данный концепт включает в себя множество аспектов, включающих в себя взаимоотношения, семейные проблемы, родственные отношения и так далее.

Следующий важный аспект в английской культуре – «время». Он занимает важное место в жизни человека и нации, так как отношение к времени является одной из основополагающих характеристик культуры.

Нельзя не отметить, что темпоральная концептосфера значима в сознании носителей английской лингвокультуры и является базовой ценностью. Об этом свидетельствует множество пословиц, например:

- take time be forelock;
- there is no time like the present;
- time flies; time is money;
- who gains time gains everything;
- time is the great healer;
- time cures all wounds;
- time heals all wounds;
- time tames the strongest grief;
- time works wonders; times change;
- times change and we change with them;
- other time, other manners;
- you can't turn back the clock.

Носитель английского языка относится к концепту «время» с точки зрения его скоротечности, из чего следует пунктуальность, ассоциация с материальной ценностью и персонификация времени.

Не менее важным концептом английской языковой картины мира является концепт «дом». Это отражается в следующих пословицах, подчеркивающих исключительное отношение англичан к дому как к

домашнему очагу: «Home, sweet home»; «There is no place like home»; «East or West, home is best»; «Home is home though it be never so homely»; «Dry bread at home is better than roast meat abroad».

Вышеуказанные концепты являются одними из важнейших в языковом сознании и занимают особо место в англоязычной картине мира [13].

В данной работе исследуются концепты «добро» и «зло», рассмотрим их подробнее. Они являются философскими категориями человеческого сознания. «Добро» и «зло» заключают в себе представление о добродетели и пороки, и поэтому универсальны и присущи представителям любого народа [36].

Добро и зло – одна из важнейших проблем, поднимаемых авторами в художественной литературе, так как она является богатым источником вдохновения и не имеет пространственных или временных границ. Через литературные произведения мы можем приобщиться к историческому и культурному опыту эпох, проанализировать и оценить, как менялась трактовка этих категорий, и что именно подразумевалось под этими концептами [52].

Добро – это высшая нравственная ценность, противоположностью которой является зло. Его можно назвать «антиценностью». Оно несовместимо с нравственными идеалами. Следуя христианской этике, можно отметить, что зло «вторично» по отношению к добру, так как является отступлением от него. Не случайно в религии Бог (добро) всемогущ, а дьявол (зло) способен лишь соблазнять отдельных людей к нарушению заповедей Божьих.

В социологии понятия добра и зла определяются исходя из этической оценки поведения людей. Так, добро становится синонимом «хорошего», положительного, а зло – «плохого». Представление борьбы между добром и злом – одно из основополагающих утверждений, охватывающих всю историю культуры.

Добро является синонимом слова «благо», что означает ценностное представление. Оно либо обладает положительным значением по отношению к установленному стандарту, либо является этим стандартом. В зависимости от принимаемого стандарта добро в культурологическом смысле трактуется как удовольствие, польза, счастье и т.д.

С развитием истории, моральных принципов и этики формируется более точное определение морального добра. В первую очередь оно является особого рода ценностью. Во-вторых, добро означает поступки, сознательно соотнесенные с высшими ценностями и идеалами. Исходя из этого, можно выделить позитивное нормативно-ценностное содержание добра: оно заключается в преодолении обособленности, разобщенности и отчуждения между людьми, утверждении взаимопонимания, морального равенства и гуманности в отношениях между ними; оно характеризует действия человека с точки зрения его духовного возвышения и нравственного совершенства [29].

Так, добро является составляющей духовного мира человека. Каким бы ни был источник добра, оно создается человеком как личностью, сам человек берет на себя ответственность за поступки.

Добро – прямой антоним зла, однако с точки зрения онтологии, науке о бытии, их статус может трактоваться различно:

1. Добро и зло являются началами мира, находящимися в постоянной борьбе;
2. Божественное Добро как Благо, или абсолютное Бытие, или Бог – действительное абсолютное мировое начало, а зло – это ошибочные, безнравственные или греховные решения человека. Добро относительно в противопоставлении злу, оно рассматривается как высшее и безусловное моральное понятие;
3. Противоборство добра и зла опосредовано высшей ценностью, в которой заключается абсолютное начало морали, тем самым утверждается, что добро не является конечным понятием.

Тема связи добра и зла неразрывно проходит через всю историю философии и культуры, и с этой точки зрения характеризуется в ряде этических положений. Во-первых, данные понятия взаимосвязаны и познаются в антитетическом единстве, в противопоставлении друг другу. Во-вторых, понимания зла недостаточно без готовности сопротивляться ему; но противостояние злу само по себе не ведет к добру. В-третьих, добро и зло взаимообусловлены. Добро нормативно значимо в противоположности злу и практически утверждается в отвержении зла.

Понятие о добре и зле находит свое отражение в пословицах английского и русского народов, что указывает на разницу и особенности их менталитета.

Стоит помнить, что английские и русские пословицы по своему происхождению обусловлены разными социальными группами. Исходя из этого, в английских пословицах можно проследить мировоззрение человека, занимающего определенное положение в обществе и дорожащего своей репутацией. Русские пословицы в свою очередь вытекают из народного словотворчества и отражают национально-специфические черты жизни людей разных сословий. Как результат, английские пословицы нейтральны и носят более абстрактный характер, хотя и обладают оценочностью и экспрессией. Русские пословицы отражают фольклор и восходят к разговорной речи, что отражается в использовании просторечия, эмоционально-окрашенной лексики, средств художественной выразительности, ритмики и рифмы [36].

Пословицы, связанные с данными концептами, могут быть условно разделены на две группы. Во-первых, пословицы, связанные с обобщенным философским представлением, во-вторых, с более конкретным указанием на хорошие и плохие качества человека.

К первой группе относятся английские и русские пословицы, выражающие ценность доброты, например:

- Kind hearts are more than coronets.

- Добро не умрет, а зло пропадет.
- Доброе дело два века живет.
- Кто добро творит, того Бог благословит.
- Злому смерть, а доброму воскресение.

Сюда же можно включить английские пословицы, которые ставят репутацию на первое место. Хорошая репутация отождествляется с понятием добра.

- A good name is better than riches.
- A good name is sooner lost than won.
- A good name is sooner keeps its luster in the dark.
- He that has an ill name is half hanged.

В русских пословицах репутация не упоминается, но звучит надежда на Божье покровительство с одной стороны, с другой – проявление собственной воли: «на бога надейся, а сам не плошай». Эквивалентом в английском языке можно считать «god helps those who help themselves».

Вторая группа включает в себя пословицы, реализующие значение следующую мысль – «не нужно требовать награды за добро», например:

- Virtue is its own reward.
- A good deed is never lost.

В русскоязычном менталитете бытует противоположная мысль: «добрый поступок достоин благодарности»:

- За доброе дело жди похвалы смело.
- Доброе дело без награды не остается.
- Делай добро и тебе будет добро.
- Добро добром поминают.

Из этого следует, что исходя из менталитета русского человека добрый поступок всегда вознаграждается. Так же вознаграждается и худой поступок: «по добру — добро, по худу — худо». Уникальна следующая английская

пословица, которая не имеет русскоязычного аналога: «a forced kindness deserves no thanks».

И в русских, и в английских пословицах говорится о том, что «нельзя отвечать злом на зло»:

- Two blacks do not make a white.
- Two wrongs do not make a right.
- Злом зла не поправишь.
- Злом зло не воздавай.

Следующая группа пословиц выражает значение «добро не может исходить из зла»:

- Good can never grow out of evil.
- Harm watch, harm catch.
- Из зла добро не родится.
- За худым пойдешь, худое найдешь.
- За недобрым пойдешь, на беду набредешь.
- Из лжи правды не вырастишь.

Однако и в русском, и в английском языках есть пословицы, которые противоречат вышесказанному, что свойственно противоречивости человеческого мышления. Например, некоторые английские пословицы выражают мысль «зло может привести к добру»: «no great loss without some small», «no joy without alloy», «nothing so bad, as not to be good for some». В русском языке есть только одна пословица с таким значением: «нет худа без добра». Это также свидетельствует о своеобразии менталитета двух народов.

К этой же группе можно отнести английские и русские пословицы, выражающие значение «плохое окружение плохо влияет на человека, например:

- Who keeps company with a wolf, will learn to howl.
- A man is known by the company he keeps.
- He that lives with cripples learn to limp.

Существуют русские эквиваленты:

- С кем соль-хлеб водишь, на того и походишь.
- С кем поведешься, от того и наберешься.

Исходя из вышеописанного, можно наблюдать общность русского и английского менталитета. Пословица «who keeps company with a wolf, will learn to howl» частично эквивалента русской пословице «с волками жить, по-волчьи выть».

Отдельно можно отметить пословицы, которые более конкретно выделяют поступки, имеющие значение «дурная слава становится известна сразу же»:

- Good fame sleeps, bad fame creeps.
- Ill fame has wings.
- Ill fame has long legs.

Русский эквивалент следующий: «добрая слава лежит, а худая бежит». Здесь можно проследить сходство русских и английских пословиц: они строятся с помощью олицетворения. Большее количество английских пословиц с этим значением свидетельствует о том, что англичане в большей мере придают значение дурной славе, плохой репутации. В этом проявляется национально-культурное своеобразие менталитета англичанина [36].

Еще одна группа пословиц имеет более конкретное значение «доброе начало приводит к доброму завершению», например, «a good beginning makes a good ending» и его русский аналог «доброе начало венчается добрым концом».

Существует ряд пословиц, которые выражают добрые отношения между людьми и напоминают о важности поступать с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой. Например, английская пословица "do as you would be done by" и ее русский аналог «хочешь себе добра – не делай никому зла» призывают к доброте и состраданию. Сравнительный анализ этих пословиц показывает, что оба народа ценят добро и относятся негативно к злу как к основе моральных ценностей.

Обе культуры обращаются к общим источникам, таким как Библия, латинские и греческие изречения, что объясняет сходство значений пословиц. Экспрессивная и образная природа пословиц создается через контрастные синтаксические конструкции и использование необычных лексических элементов.

Однако, различия между английскими и русскими пословицами связаны с социальным контекстом их происхождения. Английские пословицы отражают стремление человека к сохранению репутации и социального статуса, в то время как русские пословицы имеют наставнический характер, вытекая из народной мудрости и фольклора, обладая более образным и выразительным содержанием.

Согласно Н. Д. Арутюновой, используются более сложные определения добра и зла. Этот процесс усложнения подразумевает уменьшение ценности добра путем добавления отрицательных аспектов и компенсацию недостатков зла с помощью положительных качеств. В итоге, в результате этого процесса усложнения, выбор может быть сделан в пользу «облагороженного» зла (например, «добрая ссора лучше худого мира») или может быть сделана уступка (например, «даже худой мир лучше ссоры») [8].

Таким образом, анализ пословиц о добре и зле позволяет увидеть особенности мышления и ценностей английского и русского народов [36].

На тему добра и зла написано огромное количество литературных произведений. Каждый автор рассматривает эти понятия по-своему и представляет противоположности со своей точки зрения. Масштаб противостояния добра и зла представлен в произведениях Софокла, У. Шекспира, А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского и других авторов. В одном ряду с ними находится и произведение М. А. Шолохова «Тихий Дон», который является «средоточием векового противостояния добра и зла, восходящим к этике любви и метафизике своеволия». В романе данные концепты представлены как две противоположные формы бытия. Добро символизирует гармонию и спокойствие, где каждый живет в мире и

занимается любимым делом, и отсутствуют войны и страдания. Традиционная нравственность играет важную роль в реализации добра, которое олицетворяется образом "тихого Дона". Зло, напротив, представляет собой хаос, страдание, насилие и уничтожение, с пренебрежением к заповедям и добродетелям, и этот концепт заключен в образе "мутного Дона". Герои романа сталкиваются и с добром, и с злом в своей жизни, и они понимают эти понятия через сравнение различных аспектов реальности [15].

Ярким примером представления добра и зла является произведение М. Булгакова «Мастер и Маргарита». В романе присутствует изменчивость категорий «добро» и «зло» в описании персонажей. Например, Маргарита обладает как добрыми, так и злыми качествами. Она успокаивает плачущего ребенка, просит Воланда о помощи для Фриды, но в то же время устраивает разрушение в квартире Латунского. Она также проявляет преданность Мастеру и воплощает идеал любви, но разрушает свою собственную семью. Мастер, обращаясь к теме Христа в своем романе, отказывается от творчества, хотя трусость считается самым страшным пороком. Важно отметить, что Мастер и Маргарита, несмотря на наличие добрых начал в их образах, являются любовниками, что, согласно христианской морали, относится к сфере зла. Таким образом, согласно Булгакову, люди обладают как добрыми, так и злыми качествами, причем зло часто преобладает в их душах [20].

Сказки также отражают представление о добре и зле. Например, шаблонный образ «Ивана-дурака» наделен такой чертой характера, как доброта: он творит добро, помогает нуждающимся, решает их проблемы. Баба-яга в русских народных сказках часто является символом зла. Она жестока, крадет детей, бросает их в печь. Баба-яга часто принуждает героев народных сказок, заставляет их выполнять тяжелую работу и запугивает их [52].

Литература провела диалог противоположностей через столетия, осуществляя нравственное и этическое наставление через произведения и их героев, олицетворяющих данные понятия.

Рассматривая примеры зла в художественной литературе, можно выделить общую черту: оно заключается в сверхъестественных событиях, иррационально и аксиологически противоположно добру.

Рассматривая добро и зло с точки зрения когнитивной лингвистики, важно отметить, что данные понятия относятся к категориальным концептам. Категориальный концепт — это концепт, который лежит в основе группировки концептов и организует структуру ментальной категории [35].

Таким образом, понятия добра и зла рассмотрены в разных научных направлениях, они рассматриваются и как антонимические понятия, и как взаимосвязанные между собой концепты. В художественной литературе добро и зло могут быть представлены по-разному, например, через поступки и характерные черты отдельных героев. Благодаря своей разносторонней организации и источнику второстепенных проблем, которые могут быть выведены из данных понятий, концепты добра и зла являются распространенной темой художественных произведений.

Рассмотрим соотношение языковых представлений о концептах добра и зла в русской и британской лингвокультурах.

В русском языковом сознании концепт добра представлен лексемами "добро" и "благо", с основным упором на "благо". В современном русском языке компонент "благо" имеет два значения: благополучие, счастье, добро и то, что удовлетворяет человеческие потребности, приносит материальный достаток и удовольствие. Составляющая «благо» представлена 152 лексикограмматическими вариантами.

Лексема "добро" обозначает все положительное, хорошее, приносящее пользу и насчитывает только 60 лексикограмматических вариантов. Когнитемы концепта добра включают "активное добро" (добровольный, добродетель, доброжелатель), "духовное добро" (добродушный, добронравие,

добропорядочность, добросердечие) и "добро как качество" (доброкачественный, добротный, добросовестный).

Концепт зла в русском языке содержит лексемы, обозначающие все плохое, вредное и бедствия. Когнитемы зла включают "зло как поступок", "вербализованное зло" (злословие, злоречие) и "зло как качество" (зловредный, злокачественный, злонравный). Концепт насчитывает 97 лексикограмматических вариантов.

Сопоставляя два концепта добро и зло в русском языковом сознании, можно сделать вывод о том, что концепт «добро» является более значимым и емким.

В британской лингвокультуре бинарная оппозиция добра – зла представлена парами good и evil, а также right и wrong. Good и evil являются ядром концепта, в то время как right и wrong – периферийной частью. Содержание концептов good и right совпадает в морально-нравственных отношениях, так же как и концепты evil и wrong [23].

Концепты представлены различными лексическими единицами, и системно используемые приведены в различных словарях. Рассмотрим определения слов “good” и “evil” в словарях “Oxford Dictionary”, “Cambridge Dictionary”, “Merriam-Webster”.

В словаре “Oxford Dictionary” дано большое количество определений слова “good”. Рассмотрим некоторые из них.

На первом месте стоит такая трактовка понятия, как «обладающий высоким качеством или приемлемым стандартом». Иными словами, “good” обозначает что-то, подходящее под определенные критерии, например, “The piano was in really good condition”, “Sorry, my English is not very good” [71].

На втором месте указано значение “pleasant”, то есть что-то приносящее наслаждение или желаемое, например, “This is very good news”, “Did you have good time in London?”, “Let's hope we have good weather tomorrow” [71].

Так же отмечается синонимичность со словом “sensible”, как что-то разумное, логическое или подходящее в конкретной ситуации, например, “Thank you, good question”, “What a good idea!” [71].

Большое количество примеров приведено к такому оттенку значения, как «морально правильный», «поведенчески подходящий» в контексте, «следующий правилам», например, “He is a very good man”, “She prayed that God would make her a better person”, “Giving her that money was a good thing to do”, “She was a good Catholic girl” [71].

В словаре “Cambridge Dictionary” на первое место ставится такое значение слова “good”, как «хороший, приятный», например, “Did you have a good time at the party?” [69], а уже на втором «качественный, высокого уровня», например, “The food at this restaurant is very good” [69]. Помимо приведённых выше значений, встречается трактовка «искусный, хороший», то есть обладающий необходимыми умениями в какой-либо сфере деятельности, например, “Anne's a good cook”. Так же одними из популярных значений, в отличие от Oxford Dictionary приводится «добрый», например, “My granddaughter is very good to me”, «полезный», например, “Exercise is good for you”, и «послушный», например, “A good child or animal behaves well” [69].

В словаре “Merriam-Webster” часто употребляемым значением “good” является «благоприятный», например, в отношении новостей (“good news”). Многие трактовки из выше использованных словарей так же указаны, однако есть такой оттенок значения, как «симпатичный, привлекательный», например, “good-looking”, и «прибыльный, выгодный», например, “made a good deal”.

Семантика слова “good” гораздо шире понятия «добро». Относительно синонимов, связанных с понятием добра, мы можем рассмотреть “moral”, “virtuous”, что означает «добродетельный». Согласно словарю Ушакова [68], добродетель – это фундаментальное моральное понятие, характеризующее готовность и способность личности сознательно и твердо следовать добру. В

синонимичном ряду также можно наблюдать такие слова как “honest” и “respectable”, а антонимом является слово “bad”, который является близким синонимом “evil”.

Так, в словарях семантика прилагательного и существительного “good” лишь частично совпадает с содержанием концепта «добро». Наряду со значением «правильный» присутствуют и другие значения, которые контекстуально могут быть связаны с принятыми в обществе нормами морали, стереотипами и стандартами поведения, например, “admirable”, “agreeable”, “deluxe”, “first-class”, “gratifying”, “honorable” и т. д.

Рассмотрим словарные значения слова “evil”. В словаре “Oxford Dictionary” первое место занимает характеристика, присваиваемая жестоким людям, которым нравится причинять боль другим, например, “Police described the killer as ‘a desperate and evil man” [71]. Похожим значением может быть наделен предмет или поступок, наносящий вред, или что-то неприятное с точки зрения, воспринимаемое органами чувств, например, “evil deeds”, “In his speech he described the evil effects of racism”, “The rubbish bin was giving off an evil smell”. Так же значение слова “evil” отождествляется с мировым злом, демоном или дьяволом, мифологическими и религиозными убеждениями, например, “It was an ancient charm to ward off evil spirits”, “She had been deceived by an evil demon”.

В словаре “Cambridge Dictionary” частотно употребляемыми являются те же значения слова “evil”, что и в Oxford Dictionary, то есть, что-то или кто-то не соответствующий моральным и этическим соображениям, неприятный и несущий вред: “an evil dictator”, “Drug addiction is one of today's great social evils” [69]. Встречается и более подробная характеристика: состояние аморальности, жестокости или плохого поведения, поступок подобного рода, например, “a contest between good and evil”.

Словарь “Merriam-Webster” объясняет “evil” как «морально предосудительный» и ставит в один ряд с такими синонимами, как “sinful” и “wicked”. Помимо этого, “evil” может быть не только причиной, но и

результатом несоответствующего поведения, например, “a person of evil reputation”. На второе место выносятся синоним «неприятный», что может восприниматься как в моральном смысле, так и органами чувств: “an evil odor”, “woke late and in an evil temper” [72]. Встречается значение, приведенное в вышеуказанных словарях – приносящий вред, например, “the evil institution of slavery”.

Так, концепт “evil” сочетает в себе словарные значения с точки зрения характеристики человека или предмета, религиозной составляющей и моральных ценностей. Концепт «зла» тесно связан с семантикой слова.

Отдельно можем отметить, что словарных значений слова “good” в разы больше значений “evil”.

Частотно употребление концептов “good” и “evil” в устойчивых выражениях, приведенных в словаре “Oxford Dictionary”. Приведем примеры:

- “The evil hour or day”: выражение часто используется с юмористическим подтекстом и обозначает время, когда приходится делать что-то трудное или неприятное, например, “I’d better go and see the dentist—I can’t put off the evil hour any longer”.
- “Somebody’s good/evil genius”: человек или дух, который, как считается, оказывает хорошее или плохое влияние, как ангел или демон на плече.
- “A witch’s/an evil brew”: колдовское зелье из легенд, сказок и верований.
- “Be good/bad at something”: хорошо или плохо справляться с чем-то, например, “She is very good at drawing portraits”.
- “For good” является синонимом “for ever”, которое имеет более книжный оттенок, например, “I’m leaving, and this time for good”.

В британском языковом сознании концепт “good” представлен двумя основными словоформами: первая - лексема “good” и ее варианты, вторая - слова, образованные с приставкой bene- (лат. “благо”, “добро”), такие как

"benedictory" ("благославляющий"), "benefactor" ("благодетель"), "benevolence" ("благожелательность").

Концепт "evil" в британском языковом сознании более абстрактен и включает разнообразные словоформы: лексема "evil" и ее варианты, лексема "ill" и ее варианты, а также слова, образованные с приставками mis-, un-, ill- и заимствованные из латинского через французский mal- ("плохо", "зло").

Сравнивая концепты добра / зла и good / evil в русской и британской лингвокультурах, можно отметить следующее: в русской культуре концепт добра имеет два основных имени - "добро" и "благо", в то время как концепт зла обозначается одной лексемой. В британской культуре концепт добра сводится к одному слову "good", в то время как концепт зла представлен тремя словами: "evil", "ill", "wrong". Когнитивные, связанные с этими концептами, разнообразны в русской лингвокультуре, что отличается от английской.

Общими чертами для русской и британской лингвокультур являются ценности добродетели, доброты, добропорядочности, сострадания, помощи другим, заботы. Что касается концептов зла и evil, общими признаками являются предательство, коварство, жестокость, злодеяние, преступление.

Характеристики рассматриваемых концептов различаются по религиозно-философским, субъективно-психологическим и прагматическим аспектам, а также их репрезентации в языке. Особенности концепта добра включают радость, нежность, солнце, улыбку, тепло, свет; концепта good - приятное, удовольствие, Бог, друзей; а концепта зла - подлость, грубость, зависть, мрак, войну/терроризм; концепта evil - плохое, Дьявол, эгоизм, безразличие [23].

Рассмотрим значения слов "good" и "evil" в романе «451 градус по Фаренгейту» Р. Брэдбери. Согласно статистическим данным, "good" употреблено 61 раз, однако, не все значения связаны с концептом «добро», в то время как "evil" – 7 раз, так как "good" – семантически обширнее, чем "evil", которое тесно связано с семантикой слова.

Обратимся к примерам:

- “I'm still crazy. The rain feels good. I love to walk in it”: Кларисса употребляет слово “good” в значении приятный с точки зрения внутреннего и внешнего восприятия. Дождь не просто так упомянут героиней, он является ее воплощением, в то время как Montag ассоциируется с огнем в начале произведения. Приведенные символы огня и дождя являются противопоставлением добра и зла.

- “No, no,” he said. “It was a good question. It's been a long time since anyone cared enough to ask. A good question”: в данном примере «хороший» значит соответствующий ситуации, полный пищи для размышлений. Автор сосредотачивает внимание читателя на слове “good” благодаря повтору, поскольку предлагает ему вместе с читателем решить моральную проблему.

- “It's a good thing the rug's washable”: здесь используется такое значение слова, как «соответствующий необходимым требованиям» и «имеющий подходящую характеристику».

- “Go on,” said the woman, and Montag felt himself back away and away out of the door, after Beatty, down the steps, across the lawn, where the path of kerosene lay like the track of some evil snail”: для восприятия Монтага керосин становится неприятным и связывается со злом через метафору “like the track of some evil snail”.

- “His fingers were like ferrets that had done some evil and now never rested, always stirred and picked and hid in pockets, moving from under Beatty's alcohol-flame stare”: мы снова обращаемся к восприятию Монтага, испытывающего негативные эмоции по отношению к Битти, вследствие чего он обращает внимание на мелочи, например, руки, творящие зло, наносящие вред окружающему миру, в частности, книгам.

- “I want you to meet Jonathan Swift, the author of that evil political book, Gulliver's Travels!”: книга становится «неприятной» с политической точки зрения, так как запрещена в современном мире романа «451 градус по Фаренгейту».

В следующем примере синонимы «добра» и «зла» употребляются в одном предложении и противопоставляются: “The good writers touch life often. The mediocre ones run a quick hand over her. The bad ones rape her and leave her for the flies”. Здесь “good” – это «внимательный», «проницательный», а “bad” – полная противоположность, отсутствие внимательности и чуткости.

Слово “good” в произведении также употребляется в составе устойчивых словосочетаний:

- “She laughed at this. "Good night!" She started up her walk”: в предложении “good” употреблено в устойчивом выражении «спокойной ночи».

- “Good God, who were those men?”, “Good God, nothing's connected up”: главный герой постоянно использует приведенную выше идиому, рассуждая о людях и их поведении, вызывающих удивление вследствие его духовного перерождения. Из этого следует, что в герое скрыто понимание добра как божественного начала.

- “But she's gone for good. I think she's dead”: снова встречается идиоматическое значение слова, приведенное в примерах выше.

Помимо слов “good” и “evil”, автор употребляет синонимы, например:

- “Sure, she'll be O.K. We got all the mean stuff right in our suitcase here, it can't get at her now. As I said, you take out the old and put in the new and you're O.K.”: автор употребляет синоним “mean”, что означает «мерзкое», «дрянное», «отравленное». В данном контексте – это внутренний темный мир Милдред, лишенный света и тяги к знаниям.

- “It was a special pleasure to see things eaten, to see things blackened and changed.”: синоним “pleasure” обозначает низкий, телесный уровень главного героя до его духовного перерождения, для которого добро приравнивается к удовольствию.

- “And on either side of the river was there a tree of life, which bare twelve manner of fruits, and yielded her fruit every month; And the leaves of the tree were for the healing of the nations.”: встречается одно из значений слова

“good” – “healing”. Автор включает в текст отрывок из Откровения Иоанна Богослова, что означает следующее: листья будут во исцеление или в очищение неведения тех народов, которые стоят низшими в делании добродетелей.

Так, в тексте произведения использованы многие словарные значения слов “good” и “evil”, в частности, идиоматические, а так же соответствующие точке зрения морали, восприятия и полноты характеристик. Нельзя не обратить внимание на то, что “good” и “evil” редко употребляются как синонимы «добра» и «зла», вместо этого автор включает в сюжет произведения образы, олицетворяющие эти понятия. При этом значения этих слов опосредованно становятся репрезентантами концептов «добро» и «зло», что создает индивидуальность идиолекта Р. Брэбери и его картину мира.

Выводы по главе 1

Изучение понятия концепта является актуальной задачей для современной лингвистики. Существует несколько подходов к определению термина «концепт», включая психологический подход, который связан с формированием различных ассоциаций и переносов смыслов с точки зрения отдельного носителя языка. Концепт представляет собой единицу речи, мышления и памяти, отражающую языковую модель мира народа.

Исследование концепта включает его структурирование и применение различных методов анализа. Существует точка зрения, согласно которой невозможно рассматривать концепт как статичную структуру из-за его постоянного изменения. Это связано с его активной динамикой в процессе мышления и функционирования. Результатом моделирования концепта в рамках лингвоконцептологических исследований является создание словесной или графической модели концепта в виде полевой структуры.

В работе применяется «оттекстовый» подход, который предполагает изучение концептов через тексты. При анализе художественного текста

основная цель заключается в выявлении способов представления концептов и воссоздании авторской модели мира.

Картина мира представляет собой комплекс образов реальности в коллективном сознании, содержащий в себе образ мира, созданный человеком как субъективное отражение объективной реальности.

В литературе добро и зло являются одной из ключевых тем, которые не имеют пространственных или временных ограничений и являются важным источником вдохновения для авторов. В произведении Р. Брэдли "good" и "evil" редко используются как синонимы для «добра» и «зла», вместо этого автор создает образы, олицетворяющие эти понятия и представляющие концепции «добра» и «зла».

ГЛАВА II. Объективация концептов «добро» и «зло» в романе Р.

Брэдбери «451 градус по Фаренгейту»

2.1 Роман «451 градус по Фаренгейту» в творчестве Р. Брэдбери

Исследования творчества Р. Брэдбери получили обширное освещение в литературной критике и литературоведении разных стран, включая США и Россию. Ученые и критики сосредотачивают основное внимание на анализе идейно-тематического содержания произведений автора, определяя его значение в современной культуре. Систематизация и обобщение научных работ по различным аспектам творчества Р. Брэдбери позволяют сделать вывод о глубине его работы [16].

Рэй Брэдбери – американский писатель. Его творчество вывело жанр антиутопии на достойное место в мире литературы. Он - автор более восьмисот романов и повестей, рассказов и пьес. Самыми популярными произведениями являются «Вино из одуванчиков», опубликованное в 1957 году, и «451 градус по Фаренгейту», изданное в 1953 году.

К счастью для мировой литературы, окончательное решение стать писателем пришло к Р. Брэдбери после окончания школы. Этому отчасти поспособствовала его мать: в детстве она читала мальчику «Волшебника из страны Оз» и, как ни странно, рассказы Эдгара По. Первым шагом стала публикация стихотворения «Памяти Вилли Роджерса» в местном издании. Далее он начинает создавать произведения в стиле приключенческих рассказов Эдгара По. Они публиковались в дешевых журналах, которые содержали творения начинающих и незрелых авторов. Затем у него появляется первый советчик в лице американского писателя Генри Каттнера.

В возрасте семнадцати лет Брэдбери впервые издает рассказы в недорогих сборниках. Стиль повествования отражается в его произведениях и ярко характеризует молодого автора как талантливого писателя. Несмотря на то, что доходы от публикаций были ничтожно малы, начав свой

творческий путь в 1942 году, Р. Брэдбери не оставлял попыток добиться успеха.

В 1947 году он выпустил дебютный сборник собственных рассказов под названием «Темный карнавал». В этой книге писатель собрал все, что написал с 1943 по 1947 годы. Читатель сопереживает героям, которые осознают хрупкость собственного разума, что в дальнейшем можно встретить в романе «451 градус по Фаренгейту».

В 1949 г. писатель переезжает в Нью-Йорк в поиске издательства, которое будет публиковать его работы. Наконец поиски принесли плоды, и Брэдбери было поставлено условие – тематически объединить свои небольшие произведения в роман.

Так появился роман «Марсианские хроники». Основные идеи нашли отражение в «451 градусе по Фаренгейту». С помощью метафор и завуалированных сравнений автор проводит параллель между освоением Марса и колонизацией Дикого Запада. Хотя и неявно, но произведение указывает на несовершенства человечества и людские ошибки. По мнению Брэдбери, это произведение было лучшим, что он написал на всю жизнь. Более того, оно стало прорывом в области антиутопии.

Всемирное признание пришло к писателю в 1953 г., когда вышел его роман «451 градус по Фаренгейту».

В конце сороковых годов Р. Брэдбери написал ряд произведений, которые он позднее называл «пять хлопущек», благодаря которым «разгорелся» «451 градус по Фаренгейту»: «Костёр», «Лучезарный Феникс», «Изгнанники», «Эшер II» и «Пешеход» [19]. В них была затронуты темы цензуры, запрещенных книг и их уничтожение, всеобъемлющей силы искусства, которая помогает проявить свое «Я» тех, кто сохранил здравый смысл и не подвергся негативным чертам современности. Все они относились к жанру социальной сатиры и антиутопии и обращались к вопросам, особенно близким Рею Брэдбери.

Основа романа «451 градус по Фаренгейту» появилась в 1949 году. Рассказ «Пожарный» был написан всего лишь за 49 часов, и писатель собирался преобразовать его в повесть. По соглашению с издательством «Даблдэй» история должна была стать основным парадигматическим элементом, вокруг которого располагались другие рассказы. Брэдбери позволил себе не обращаться к первоначальному рассказу, но дать героям возможность изложить свою историю. Сюжет и герои остались нетронутыми, были внесены лишь некоторые поправки в именах второстепенных персонажей, а также добавлена символика огня и солнца. Так появился первый черновой вариант книги.

В начале 1953 года Р. Брэдбери снова обратился к своему рукописному творению, чтобы дать ему название. Писатель был уверен, что должно быть что-то мощное, символичное. Наконец ему на ум пришла мысль, что в качестве названия он мог бы использовать показатель температуры, при котором бумага начинает гореть. Узнать информацию стоило немалых трудов: ни кафедры химии университетов, ни профессора-физики не давали точного ответа. Тогда Брэдбери решил позвонить пожарникам, и искомое наконец было найдено – 451 градус по Фаренгейту. Так и родилось название легендарного произведения.

В 1952 году благодаря новому издательству «Баллантайн Букс» и доступности изданий в мягкой обложке для Брэдбери открылись новые широкие горизонты, появилось множество поклонников его таланта. Многие современники писателя отмечали тот факт, что большое количество экземпляров позволило последующему поколению узнать произведения писателя и влюбиться в них.

Наконец, книга вышла в свет 19 октября 1953 года, почти 70 лет назад. Она была встречена всеобщей похвалой критиков.

Первые отзывы критиков на произведения Р. Брэдбери появились в 40-50-х годах XX века и отражали их отношение к его научно-фантастическим рассказам. Интерес читательской аудитории к творчеству Брэдбери

продолжался в последующие годы, а с появлением "Марсианских хроник" (1950) и романа "451° по Фаренгейту" (1953) его карьера стала стремительно развиваться. Это вызвало написание обстоятельных научных трудов (Р. Бретнор, Б. Дэвенпорт, К. Эмис), посвященных проблемам научной фантастики и стали отправной точкой для последующих исследований творчества Брэдбери [16].

Некоторое время спустя «451 градус по Фаренгейту» стал одной из самых продаваемых книг Рэя Брэдбери. Более того, успех сопутствовал этому произведению на протяжении многих лет. В 2002 году автор признался, что мог бы перестать творить и жить только на доходы с продаж этой книги.

Творчество автора отличается от традиционных американских писателей. Брэдбери родился и вырос в США, его нередко называют «мэтром антиутопии», однако его произведения можно причислить к жанру причти или фэнтези. Он обращал внимание соотечественников на те проблемы, которые действительно волновали общество. Несмотря на это, Брэдбери был склонен к оптимистичному взгляду на жизнь, что заметно в его творчестве. В большинстве его произведений именно радость жизни или, как выразился один из критиков, «счастливое поглощение жизненного опыта» играет главную роль.

Роман «451 градус по Фаренгейту» занимает важное место в творчестве Брэдбери, в котором собраны проблемы, затрагиваемые писателем на протяжении всех последующих произведений.

Сейчас мы можем уверенно сказать, что Брэдбери в своей научной фантастике многое предсказал и указал на ее ближайшие перспективы. Он обогатил ее социально-нравственной проблематикой, создал оригинальный стиль лирической новеллы с разнообразием жанровых вариаций. Брэдбери также занял свое место в контексте литературной антиутопии, которая получила широкое распространение в мировой литературе XX века.

В российском литературоведении, где исследования творчества Брэдбери не так много, например, исследования В. Г. Новиковой в ее

диссертации «Фантастическая новелла Рэя Брэдбери», была глубоко изучена поэтика фантастической новеллы Брэдбери, относя ее к жанру фэнтези и подчеркивая ее своеобразие в использовании понятия фантастики как основного структурного элемента, а также использовании повседневных, реальных деталей, которые вызывают комплекс ассоциаций и передают идею о двойственности мира, где прошлое содержит в себе будущее, а смерть - возрождение. Первые отзывы на отдельные произведения Брэдбери в советской критике появились после перевода и публикации нескольких его работ на русский язык в 60-70-е годы [32].

Писатель выделяется своей художественной манерой, которая включает глубокий психологизм, использование символики и искусное ритмическое построение. Рай Брэдбери имеет свой оригинальный стиль, который непохож ни на один другой. Во многих его работах поднимается вопрос о противоречиях человеческого существования, состояниях между самоутверждением и самоотчуждением. К примеру, в повести “The Halloween Tree” эксперты выделили проблему «паралича воображения перед страхом смерти». Эта проблема пронизывает и другие его произведения, такие как “Fahrenheit 451”. Автор призывает сохранять воображение и способность мыслить в любое время. В этом романе рассматривается общество, которое боится смерти и стремится отключить свою мыслительную способность и воображение, чтобы поддержать текущую власть. Также в романе “Dandelion Wine” присутствует индивидуальный образ смерти, искушение злом, в надежде избежать смерти. Все же работы Брэдбери отражают оптимизм и веру в человечество, портретируя те пороки и проблемы, с которыми необходимо бороться [25].

Название книги символично, так как 451 градус по системе счисления Фаренгейта – это температура, при которой начинает гореть бумага. Главный герой произведения, Гай Монтаг, - пожарный, однако он не тушит огонь, а уничтожает книгопечатные издания. Его работа – это рутина, и до недавних пор он не осознавал роль книги в обществе.

Произведение состоит из трех глав: “It was a pleasure to burn”, “The sieve and the sand”, “Burning bright”.

В начале романа мы знакомимся с главным героем, для которого сжигание книг – рутинная деятельность. Монтэг изначально является типичным представителем общества, в котором книги воспринимают как опасный источник проблем во внешнем и внутреннем взаимодействии людей. Роман начинается со строки «it was a special pleasure to burn» [72, с.7], которая выражает точку зрения главного героя.

Первая часть состоит из ключевых событий, подталкивающих главного героя к переосмыслению собственной жизни и места в мире. Кларисса Макклеллан становится катализатором рефлексии Монтэга, показывая неподдельный интерес к его личности. В тот момент начинается духовный рост Гая, он чувствует, что в нем живет два человека: он настоящий и он как «винтик» системы. Пожарный обращается к своему второму «я», “the subconscious idiot that ran babbling at times, quite independent of will, habit, and conscience” [72, с.17]. Еще одним ярким событием, повлиявшим на Монтэга, стало сожжение дома пожилой женщины, которая предпочла остаться и сгореть вместе с книгами. В этой части романа автор раскрывает аспекты общества, в котором живут герои, и идеалистические ценности, которые наполняют их. В ходе развития сюжета мы можем наблюдать эволюцию персонажа от сначала немногословных разговоров с Клариссой до откровенного признания своей жене: “I'm so damned unhappy, I'm so mad, and I don't know why I feel like I'm putting on weight. I feel fat. I feel like I've been saving up a lot of things, and don't know what. I might even start reading books” [72, с.86].

Во второй части мы наблюдаем за искренним порывом Монтэга измениться, приобщиться к книгам самому и приобщить свою жену, что не приносит успеха. Ему хватает смелости прочесть строки в присутствии подруг Милдред, но понимает, что перед ним настоящие люди нового мира – бесчувственные, безжалостные и абсолютно пустые оболочки женщин,

которые не способны ни на какие чувства. Его охватывает ярость, поскольку сам он уже изменился, понял, насколько мертв окружающий его мир. Монтаг понимает, что у людей есть все, что нужно для счастья, но они несчастны, и он в том числе. Монтаг тешит себя мыслью, что он не несет ответственности за свои собственные все более опасные поступки. Он воображает, что им управляет Фабер или Битти, что его руки двигаются независимо от его воли, когда он крадет и прячет книги, и что Кларисса каким-то образом говорит через него.

В третьей части главный герой окончательно убеждается в неверности и иллюзорности порядка окружающего мира и присоединяется к группе людей, которые в будущем хотят изменить мир с помощью книг, которые они помнят наизусть. В течение нескольких дней человек способен изменить свою жизнь, мировоззрение и найти правду. Он решает начать новый путь, помочь людям открыть глаза и увидеть истину, так же как смог разглядеть ее сам.

Так, каждая глава отражает путь героя к моральному и духовному перерождению: сначала Монтаг сомневается в правильности событий и установленного порядка, затем находит все больше доказательств своей точки зрения и становится оппонентом существующей социальной системы.

Как уже упоминалось, Кларисса Маклеллан – катализатор духовного роста Монтага. Главный герой сразу видит ее потрясающую силу проникновения в людскую душу (“What incredible power of identification the girl had...” [72, с. 17]). Она – девочка-подросток, олицетворяющая собой искренность, «настоящность», любознательность, любовь к миру. Кларисса отвергает невежество с детской честностью и смелостью. Еще не сломленная обществом, девочка испытывает юношеское любопытство ко всему, что ее окружает, о чем свидетельствуют ее постоянные расспросы Гая – расспросы, которые подстегивают его кризис идентичности. Она понимает, что не такая, как все, но знает, что дело не в ней, а в людях вокруг: “I’m anti-social, they say.

I don't mix. It's so strange. I'm very social indeed. It all depends on what you mean by social, doesn't it?" [72, с. 40].

В отличие от окружающих, Кларисса ищет знания ради знаний: "She didn't want to know how a thing was done, but why" [72, с.81]. Она не ищет знания, чтобы использовать его как оружие, как Битти, она не ищет знания как лекарство от внутреннего кризиса, как Монтаг, и она не ищет знания как способ спасения общества, как изгнанники. Характер Клариссы дает надежду на то, что общество может быть спасено. Она не только подталкивает Монтага ближе к открытому восстанию, она задерживается в его мыслях. Память о Клариссе помогает ему организовать свой гнев в оппозицию обществу, которому он служит.

Еще один женский образ в произведении – это Милдред, жена Гая. Хотя Монтаг заботился о ней, она превратилась в человека, которого он считает чужим и ужасающим. У Милдред нет никаких амбиций, кроме как смотреть телевизор и слушать свои ушные наперстки – «ракушки». Она представляет общество в целом: кажущаяся внешне счастливой, глубоко несчастная внутри и неспособная сформулировать свои собственные мысли. Монтаг видит ее так: "His wife stretched on the bed, uncovered and cold, like a body displayed on the lid of a tomb, her eyes fixed to the ceiling by invisible threads of steel, immovable... The woman on the bed was no more than a hard stratum of marble they had reached" [72, с. 18, 22].

Немаловажную роль в развитии личности Монтага играет образ капитана Битти. Он - начитанный и высокообразованный персонаж. Тем не менее, он посвятил свою жизнь уничтожению книг и поддержанию невежества общества. Парадоксально то, что, кажется, Битти подсознательно понимает неправильность системы, но решает использовать полученные знания в плохих целях.

Битти мотивирован собственным желанием вернуться в состояние невежества. Когда-то он был бунтарем, который читал и учился вопреки обществу, но знания принесли ему страх и сомнения. Он презирает книги,

потому что они его подвели, и он любит свою работу, потому что она проста и понятна. Он использует свои знания на службе невежества. Битти умен, и он использует свой интеллект, чтобы держать общество в неведении (“But remember that the Captain belongs to the most dangerous enemy of truth and freedom, the solid unmoving cattle of the majority” [72, с. 142]).

В произведении Монтагу помогает профессор Фабер - пожилой человек, который когда-то был учителем литературы. Пока общество переживало интеллектуальный упадок, он оставался наблюдателем. Фабер позиционируется как противоположность Битти в некоторых отношениях: он презирает общество и твердо верит в силу чтения и независимого мышления, но, в отличие от Битти, он боязлив и никак не использует свои знания, вместо этого предпочитая прятаться в безвестности. Также он являет собой образ уходящего прошлого, которое методично искореняет система из человеческого разума: “Faber peered out, looking very old in the light and very fragile and very much afraid. The old man looked as if he had not been out of the house in years. He and the white plaster walls inside were much the same. There was white in the flesh of his mouth and his cheeks and his hair was white and his eyes had faded, with white in the vague blueness there” [72, с. 104].

Еще одним немаловажным персонажем является Грейнджер - лидер бродяг, которых Монтаг встречает, когда бежит из города. Все эти люди снаружи бродяги, а на самом деле хранят в голове книги. Грейнджер отверг невежество, а вместе с ним и общество, построенное на этом невежестве. Он знает, что общество проходит через циклы света и тьмы, и что они находятся в конце темных времен. Он учил своих последователей сохранять знания, используя только свой разум, планируя перестроить общество, когда оно само себя уничтожит: “Right now we have a horrible job; we're waiting for the war to begin and, as quickly, end. It's not pleasant, but then we're not in control, we're the odd minority crying in the wilderness. When the war's over, perhaps we can be of some use in the world” [72, с. 198].

Герои романа – противоречивые личности. Каждый является олицетворением разных мнений, взглядов и подходов к действительности окружающего мира. Все они – разные, но объединены невежеством, невозможностью или нежеланием изменить систему, спровоцировавшую интеллектуальный упадок и сломившую общество.

Проблематика романа Рэя Брэдбери остросоциальна и не теряет своей актуальности на протяжении многих лет.

В произведении автор стремится показать Америку будущего, в которой технологический процесс вышел на новый уровень и значительно упростил жизнь человечества. Перед нами открывается мир, в котором люди привыкли только потреблять и существовать по установленным правилам. Общество не осознает, что живет в декорациях, а не в настоящем, искреннем мире.

Дядя Клариссы формулирует философию общества так: “Well, after all, this is the age of the disposable tissue. Blow your nose on a person, wad them, flush them away, reach for another, blow, wad, flush. Everyone using everyone else's coattails” [72, с. 25].

Общение как важный компонент социальной жизни находится на грани вымирания. Люди ни о чем не говорят: они лишены индивидуальности (“But they all say the same things and nobody says anything different from anyone else” [72, с. 42]).

Общество в антиутопии сложно назвать настоящим обществом, потому что отсутствует взаимодействие как таковое, на это указывает Кларисса: “Being with people is nice. But I don't think it's social to get a bunch of people together and then not let them talk, do you?” [72, с. 41].

Автор раскрывает не менее важную тему семьи и семейных ценностей. Замыкаясь в себе и заостренная в собственном эгоизме, люди начинают игнорировать ее важность. Эмоциональная отчужденность от семьи – прямая дорога к одиночеству и абсолютной незащищенности, ведь только по-настоящему близкие люди способны помочь. В новом мире между ними нет доверия и внимания: когда Милдред с утра по непонятной для нее причине

чувствует себя не лучшим образом, Монтэг пытается объяснить, что она приняла слишком много снотворного и чуть не отравилась, а она постоянно перебивает его, так и не дослушав. Когда он все-таки решается объяснить, она не верит. Она даже удивляется: "Hey," she said. "The man's THINKING!" [72, с. 28].

Нет доверия не только в личностном взаимодействии, но и в отношениях между системой и социумом. Система и законность в производстве существует не для человека, а против человека: "Any man's insane who thinks he can fool the Government and us" [72, с. 46]. Несмотря на это, люди воспринимают систему как данность, живут по ее правилам, не обращают внимание на окружающий их мир, его красоту в мелочах. Когда Кларисса рассказывает Монтэгу, что по утрам на траве лежит роса, а на луне можно увидеть человечка, того внезапно охватывает раздражение, и приходит мысль, что ему уже давно не приходилось смотреть в небо.

В отличие от других, безразличия нет в доме Клариссы, из которого доносится смех и разговоры: "Montag heard the voices talking, talking, talking, giving, talking, weaving, reweaving their hypnotic web" [72, с. 25].

Помимо проблемы «сломанного» общества Рэй Брэдбери освещает важность роли книги. Интеллектуально деградировавшим обществом гораздо легче манипулировать, и это прекрасно известно действующему правительству, которое накладывает запрет на все книги. Источником информации служат СМИ и телевидение, которые «отупляют» население, преподнося новости в нужном ракурсе.

Будущее человечества невозможно без опыта прошлых поколений, который содержится в важнейших источниках знаний и жизненного опыта – книгах. Люди в новом мире выбирают развлекательные шоу, экраны во всю стену, обрекая себя на деградацию. Это чревато самыми серьезными последствиями для общества, поскольку оно само программирует себя на полное уничтожение.

Причина, по которой общество добровольно отвергает книги, проста. Ее формулирует Фабер: “So now do you see why books are hated and feared? They show the pores in the face of life” [72, с. 108]. Он имеет ввиду ошибки прошлого, негативные черты настоящего и возможные отрицательные последствия будущего. Система исключает возможность познания людьми этой информации, чтобы общество оставалось ведомым законами. Поэтому публика по доброй воле прекратила читать книги, и очень немногие хотят быть мятежниками.

Даже Монтаг несмотря на то, что в течение года накопил около 20 книг за вентиляционной трубой, не понимал, зачем нужны книги, пока пожилая женщина не умерла в пожаре, пока смерть не застигла Клариссу, пока он не стал рефлексировать насчет окружающего мира. Наконец, герой выдвинул предположение, что книги могут вытащить из пещеры хотя бы наполовину, предостеречь от одних и тех же безумных ошибок. Он осознает, что у него на руках единственный экземпляр Библии, пытается прочитать, но люди только и повторяют «паста паста паста Денем Денем». Так герой оказывается один против целого мира «зомбированного» общества.

Книга Ветхого Завета «Екклесиаст» выделяется среди прочих сжигаемых произведений в антиутопическом мире Р. Брэдли. Она играет значительную роль, символизируя важность критического мышления, саморефлексии и стремления к знаниям. Эта книга из Ветхого Завета известна своими темами экзистенциализма и непостоянства жизни. В мире романа, охваченном мгновенными удовольствиями и развлечениями, Екклесиаст становится символом утраченной мудрости и знаний [7]. Ценности, выраженные в книге Екклесиаста, подавлены в обществе, описанном автором, где преобладает конформизм и бессмысленные развлечения. В Екклесиасте говорится: «Все труды человека для рта его, а душа его не насыщается» [Еккл 6:7]. Однако использование Екклесиаста как символа сопротивления и надежды показывает, что даже в самых темных временах существует потенциал для просветления и прогресса.

В произведении поднимается тема религии: как говорит Фабер, Христос стал членом «семьи», и вряд ли Господь Бог узнает собственного сына, потому как вера обращена в системный механизм воздействия на людей.

В романе автор поднимает проблемы манипулирования обществом посредством СМИ, чрезмерной увлечённости техническим прогрессом, замены моральных ценностей потребительскими. Своим произведением Брэдбери хочет донести простую мысль – у общества, в котором под запретом находятся книги, нет будущего.

В положительном влиянии книг и негативном влиянии системы и технического прогресса мы можем увидеть образы, составляющие концепты «добро» и «зло».

В научной литературе изучены такие аспекты анализа произведения «451 градус по Фаренгейту», как трагическая концепция жизни, символика имен главных героев, лексические, лингвостилистические и жанровые особенности романа в целом, роль метафор и сравнений в создании художественных образов, однако не изучены способы вербализации и объективации концептов «добро» и «зло», что и является темой работы.

2.2 Лингвостилистические средства изображения концептов «добро» и «зло»

В произведении "451 градус по Фаренгейту" фигурирует множество образов и лингвистических средств, которые служат для описания концептов «добро» и «зло», значение которых отлично от словарных.

Представление автором «добра» в романе обширно, однако можно выделить несколько составляющих. Например, отношение к жизни и мировоззрение Клариссы Маклеллан, а также общение в ее семье, работа пожарным, вдохновляющая Монтага и дающая ему наслаждение, диалоги Монтага с Клариссой, пронизанные дружественностью и здоровым

интересом, книги, полные знаний и смысла, огонь, который чист и ярок, а также социально-политическая система, позволяющая жить в равенстве. Рассмотрим данные примеры подробнее.

Кларисса Маклеллан для главного героя Гая Монтага представляется олицетворением добра и гармонии. В частности, автор использует синекдоху, выделяя лицо Клариссы: "There was only the girl walking with him now, her face bright as snow in the moonlight...Her face, turned to him now, was fragile milk crystal with a soft and constant light in it" [72, с.12]. Ее красота и гармоничность подчеркивается с помощью сравнения "bright as snow" и метафоры "her face was fragile milk crystal". Помимо этого, автор подчеркивает ее доброту и добрые намерения с помощью эпитетов, возвышенной лексики и инверсии: "What incredible power of identification the girl had... How immense a figure she was on the stage before him; what a shadow she threw on the wall with her slender body!" [72, с.17]

Свою работу до душевного перерождения главный герой также считает добром, так как использует прилагательное "fine" из синонимического ряда: "It's fine work. Monday burn Millay, Wednesday Whitman, Friday Faulkner, burn 'em to ashes, then burn the ashes. That's our official slogan." «Добро» работы заключается не только в том, что это правильно и правомерно, но и в ее закономерности, которая проявляется в перечислении. Отдельно можно отметить хиазм в девизе пожарных.

Монтаг осознает, что другая жизнь, отличная от его, – это добро, и оно заключается в общении и рассуждениях: "Montag heard the voices talking, talking, talking, giving, talking, weaving, reweaving their hypnotic web". [72, с. 25] Правдивость его суждения подчеркивается повторами и перечислениями, а общение как воплощение добра выделяется эпитетом "hypnotic web".

Автор использует эмоционально окрашенную лексику для создания атмосферы и эмоциональной связи с понятием "добра". Например, в описании дружеских отношений главного героя с некоторыми персонажами используется лексика, отражающая доброжелательность, любовь и

поддержку, например: "Hello! He said hello and then said, "What are you up to now?" [72, с. 30], I'm sorry, really I am." She touched his elbow. "No, no," he said, quickly, "I'm all right." "I've got to be going, so say you forgive me. I don't want you angry with me." "I'm not angry. Upset, yes." [72, с. 32]. Разговаривая с Клариссой, главный герой не раз повторяет слово "good": "It was a good question... A good question. [72, с. 40]" Монтэг называет вопрос «хорошим», потому что он искренний, что так же является контекстуальным синонимом понятия «добро».

Метафора и олицетворение присутствуют в описании книг: "Titles glittered their golden eyes, falling, gone" [72, с. 51]. Они – уходящий луч солнца в необразованности и типичности членов общества. Даже при сожжении они не теряют своей красоты, что отмечается с помощью повторений, метафоры и риторического вопроса в следующем примере: "Light the first page, light the second page. Each becomes a black butterfly. Beautiful, eh?" [72, с. 99]. Их наполненность жизнью и смыслом подчеркивается сравнением с птицами: "The books leapt and danced like roasted birds" [72, с. 150]. Даже главы книг описываются с помощью олицетворения и синекдохи: "Some of us live in small towns. Chapter One of Thoreau's Walden in Green River, Chapter Two in Willow Farm, Maine". [72, с. 199] Книги сжигаются и уничтожаются, но имена авторов остаются в памяти, что также отмечается с помощью синекдохи: "We are also Matthew, Mark, Luke, and John". [72, с. 196]

Огонь, который сжигает книги, сначала кажется главному герою источником добра и красоты: "Is it because the fire is prettier by night? More spectacle, a better show?" [72, с. 53], "Fire is bright and fire is clean" [72, с. 80], "it was good to burn" [72, с. 150]. Это подчеркивается риторическими вопросами, не требующими ответа, позитивными прилагательными и возвышенной лексикой, а так же восклицательными предложениями: "Fire was best for everything!" [72, с. 150].

Принцип системы, который, как кажется поначалу, оказывает благоприятное действие на общество, заключается в равенстве, что

отмечается повтором слова “equal”: “Not everyone born free and equal, as the Constitution says, but everyone made equal... Then all are happy” [72, с. 78]

В произведении «451 градус по Фаренгейту» концепт «зла» также описывается с помощью различных лингвистических средств и образов. Отдельно можно выделить внутреннее светлое «я» Монтага, с которым он пытается бороться в начале своего духовного перерождения и воспринимает как нечто неправильное, темный мир Милдред, общество, живущее в рамках, книги, которые, по мнению системы, усугубляют шаткий порядок в обществе. Рассмотрим их подробнее.

Свое внутреннее «я» до духовного перерождения главный герой считает злом, так как оно не соответствует установленным правилам: “What?” asked Montag of that other self, the subconscious idiot that ran babbling at times, quite independent of will, habit, and conscience” [72, с. 17]. Это выражается с помощью сниженной лексики и перечисления.

Внутренний мир Милдред представляется пустым и темным. Здесь можно проследить контекстуальную синонимичность понятий «зло» и «темнота». Она подчеркивается риторическими вопросами: “Did it drink of the darkness? Did it suck out all the poisons accumulated with the years?” [72, с. 21]. Автор употребляет метафору, сравнивая ее внутренний мир с «чемоданчиком с жидкой меланхолией» (“case of liquid melancholy”). [72, с. 23] Зло заключается в том, что она не одинока в своей интеллектуальной ограниченности. Автор с помощью обратного олицетворения сравнивает ее подруг с люстрой: “They were like a monstrous crystal chandelier tinkling in a thousand chimes...” [72, с. 121] Таково всё общество: автор подчеркивает безликость и сходство членов общества с помощью повторения слова “face”: “He imagined thousands on thousands of faces peering into yards, into alleys, and into the sky, faces hid by curtains, pale, night-frightened faces, like grey animals peering from electric caves, faces with grey colourless eyes, grey tongues and grey thoughts looking out through the numb flesh of the face”. [72, с. 179]

Одними из ярких представлений концепта зла в романе являются предметы современного технического прогресса, например, механизм, спасший Милдред жизнь, сравнивается с коброй (“One of them slid down into your stomach like a black cobra”) [72, с. 21], описание Механической Гончей включает в себя множество олицетворений (“The Mechanical Hound slept but did not sleep, lived but did not live...”; [72, с. 34] “what does the Hound think about down there nights?” [72, с. 38], оксюморонов и противопоставлений (“the dead beast, the living beast”) [72, с. 34], а ракушки, которыми постоянно пользуется Милред, с помощью метафоры сравниваются с насекомыми (“He reached over and pulled one of the tiny musical insects out of her ear”) [72, с. 62]. Зло современных технологий в виде телевизоров во всю стену, которые заменяют людям настоящее общение, отмечается параллелизмом: “I can't talk to the walls because they're yelling at me. I can't talk to my wife; she listens to the walls” [72, с. 106].

Книги для установленной социальной системы – ничто иное, как олицетворение зла, лишенное духовности и смысла: “The books lay like great mounds of fishes left to dry” [72, с. 51]. Такое восприятие книг подчеркивается сравнением книг с рыбой. Печатные издания – это не достояние, а пережиток прошлого, как описывается в данном примере с помощью метафоры: “Magazines became a nice blend of vanilla tapioca. Books, so the damned snobbish critics said, were dishwater” [72, с. 77]. Их незначительность подчеркивается эпитетами: “all the silly things the words mean, all the false promises, all the second-hand notions and time-worn philosophies” [72, с. 99], а так же перечислением: “for these were nothing but black type and yellowed paper, and ravelled binding” [72, с. 149].

Сама система – это зло, простейший механизм, который подстраивает людей под один стандарт, что подчеркивается с помощью хиазма в предложении “Out of the nursery into the college and back to the nursery” [72, с. 73] и параллелизма в следующих примерах: “School is shortened, discipline relaxed, philosophies, histories, languages dropped, English and spelling gradually

neglected, finally almost completely ignored” [72, с. 74], “More cartoons in books. More pictures” [72, с. 76].

Нельзя не отметить, что социально-политическая система и книги входят как в понятие концепта «добро», так и в понятие концепта «зло». Совпадение не случайно: сюжет и проблемы, поднимаемые автором в произведении «451 градус по Фаренгейту», основаны и на взаимодействии системы и книг. Именно поэтому мы можем рассматривать данные образы с разных точек зрения.

Представляя концепт «добро», автор использует возвышенную лексику при упоминании образов, составляющих концепт. Например, огонь, который является одной из основных тем произведения, может быть воспринят как символ чистоты, преобразования и доброжелательности благодаря эпитетам. Автор убеждает в положительности образов с помощью перечислений, повторений, восклицаний и риторических вопросов. В большом количестве фигурируют олицетворение и синекдоха при описании книг.

Представляя концепт «зло», автор использует отрицательно окрашенные эпитеты и синонимы. Он подчеркивает негативное влияние книг на систему с помощью сравнений и метафор. Часто встречается олицетворение предметов механического прогресса, которые оказывают большое влияние на людей. Контекстуальная синонимичность выражается с помощью риторических вопросов, хиазмов, параллелизма, повторов и перечислений.

Таким образом, языковая репрезентация концептов «добро» и «зло» отличается от художественной. Семантически “good” означает «обладающий желаемыми качествами», а «добро» - положительное душевное качество, благородное деяние, благотворное отношение к окружающему миру. “Evil” и «зло», которые семантически близки — это все «дурное» и плохое, поддающееся негативной оценке и вызывающее отрицательные последствия. В произведении Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» концепт «добро» воплощается образом Клариссы, искренним общением между людьми,

книгами, несущими знания, огнем, который позволяет людям начать жизнь сначала, словно феникс и т.д., а концепт «зло» фигурирует в образах социально-политической системы, технического прогресса, «отупляющего» население, внутреннего мира Милдред, лишенного амбиций и др. Они реализуются с помощью таких лингвистических средств, как синекдоха, сравнение, эпитет, возвышенная лексика, хиазм, повтор, метафора, олицетворение, риторический вопрос, перечисление, параллелизм.

Выводы по главе 2

Роман «451 градус по Фаренгейту» занимает значительное место в творчестве Рэя Бредбери. Проблематика этого произведения остается актуальной на протяжении многих лет и содержит ярко выраженные социальные аспекты.

В первой части романа происходят ключевые события, которые заставляют главного героя пересмотреть свою жизнь и свое место в мире. Во второй части мы видим, как Montag искренне стремится измениться, начать читать книги самому и попытаться заинтересовать свою жену, но безуспешно. В третьей части главный герой окончательно убеждается в ошибочности и иллюзорности установленного порядка и присоединяется к группе людей, выступающих против государственной системы.

Персонажи романа представляют собой противоречивые личности, каждый из которых олицетворяет различные взгляды и подходы к окружающему миру.

В произведении «451 градус по Фаренгейту» присутствует множество образов и лингвистических приемов, которые используются для описания концепций «добра» и «зла», значения которых отличается от общепринятых определений.

Когда речь заходит о концепте «добра», автор использует возвышенную лексику, эпитеты, перечисления, повторы, восклицания, риторические

вопросы, олицетворение и синекдоху для описания образов, составляющих этот концепт.

При описании концепта «зла» автор использует отрицательно окрашенные эпитеты и синонимы, сравнения, метафоры, олицетворение, риторические вопросы, хиазмы, параллелизмы, повторы и перечисления.

Периферия концепта «добра» включает образ Клариссы Маклеллан, работу пожарного, искренние взаимоотношения между людьми, книги, огонь и принцип равенства. «Зло» представлено внутренним «я» главного героя и его жены, предметами технического прогресса, книгами и государственной системой.

Таким образом, языковое представление концепций «добра» и «зла» отличается в художественном контексте.

В заключение стоит отметить, что социально-политическая система и книги входят как в понятие «добра», так и в понятие «зла». Автор рассматривает антонимическую пару концептов с разных точек зрения, что приводит к синонимии и пересечению периферий концепций. Это совпадение не случайно: сюжет и проблемы, поднимаемые автором в произведении «451 градус по Фаренгейту», основаны на взаимодействии системы и книг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное исследование посвящено способам вербализации и объективации концептов «добро» и «зло» в английской лингвокультуре на материале романа Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту».

Проблема описания концептов актуальна в когнитивной лингвистике. Человек существует в мире непрерывно возникающих и изменяющихся концептов. Концепт — это продукт когнитивного сознания человека, мысленное образование. В работе используется психологический подход к определению концепта, согласно которому концепт характеризуется с точки зрения отдельного носителя языка.

Для изучения концепта разрабатываются различные методики в силу его многогранной структуры и изменения интерпретации значений. По мнению учёных концепт состоит из нескольких слоев или составляющих. Для анализа концептов используются ассоциативные эксперименты, семантико-когнитивные исследования, исторические, социальные и этимологические методы изучения, фреймовый и концептуальный анализы. Одной из методик концептуального анализа является «оттекстовый» подход, предполагающий исследование концептов через тексты. Выделяются способы представления концепта, сформированного с точки зрения автора как отдельного носителя языка.

Концепты являются частью картины мира. По мнению учёных картина мира — это целостное собрание образов реальности в коллективном сознании, сложная система. Языковая картина мира первична и рассматривается как основной компонент мировоззрения человека, это совокупность знаний, запечатленных языковой форме.

Английская культура относится к индивидуалистскому типу, английскому менталитету свойственны умеренность, консерватизм, коммуникативной оптимизм и т. д. Нами выделены такие ключевые концепты английской языковой картины мира, как «семья», «время», «дом».

В работе рассматриваются концепты «добро» и «зло». Представление и противопоставление данных концептов охватывает всю историю культуры. Ярким примером являются русские и английские пословицы, через которые можно проследить мировоззрение народа. Тема добра и зла поднимается авторами в художественных произведениях и народных сказках. Добро и зло представляют по-разному, например, через поступки, черты характера и предметы. В русском языковом сознании концепт добра более значимым. В британской лингвокультуре данные концепты представлены парами “good” и “evil”, “right” и “wrong”, которые составляют ядро и периферию концепта.

В тексте романа «451 градус по Фаренгейту» упоминание “good” более частотно, хотя они не всегда связаны с концептом «добро», в отличие от редко редко употребляемого “evil”, которое тесно связано с семантикой слова. Нельзя не упомянуть, что для полноты картины автор включает в сюжет образы, олицетворяющие собой добро и зло, что является особенностью идиолекта Р. Брэдбери.

Роман «451 градус по Фаренгейту» занимает важное место в творчестве Брэдбери. Роману предшествовал ряд произведений, в которых затрагиваются темы цензуры, культуры и запрещенных книг. В романе освещаются темы, поднимаемые автором в последующих произведениях. Роман состоит из трёх глав, каждая из которых отражает этапы духовного становления главного героя. Второстепенные персонажи подталкивают его к формированию собственной картины мира и поиску истины.

Автор освещает проблему искреннего доверительного общения, свободного от предрассудков и рамок общества, важности роли книги, саморазвития в жизни человека и опыта прошлых поколений, а также религии, манипулирования обществом и влияния технического прогресса.

В тексте романа «451 градус по Фаренгейту» используются различные образы и лингвистические средства, служащие для формирования концептов добро и зло.

Так, добром является Кларисса Маклеллан, жаждущая знаний о мире, чей образ описывается с помощью синекдохи, эпитетов, возвышенный лексики, инверсии; работа пожарным, дающая главному герою Гаю Монтагу ощущение стабильности и правильности, которая подчёркивается перечислениями и хиазмом; «другая» жизнь, наполненная общением и смехом, описываемая с помощью повторов, перечислений, эпитетов, положительно окрашенной лексики; книги, при упоминания которых используются метафоры и олицетворение; описываемый с помощью позитивных прилагательных и возвышенной лексики огонь.

Концепт зла также включает в себя множество образов, вербализуемых с помощью лингвостилистических средств. В качестве примеров можно привести внутреннее «я» героя, противоречащее правилам в обществе и описываемое сниженной лексикой; внутренний мир жены главного героя, сравниваемый с темнотой; предметы технического прогресса, метафорически называемые «кобра», «насекомое» и так далее; книги, разрушающие общественный порядок и сравниваемые с рыбой; система, вред которой описывается хиазмом.

Нельзя не отметить, что социально-политическая система и книги входят как в понятие концепта «добро», так и в понятие концепта «зло». Антонимическая пара концептов рассматриваются в тексте произведения с разных точек зрения, что приводит к синонимии и пересечению периферий концептов. Совпадение не случайно: сюжет и проблемы, поднимаемые автором в произведении «451 градус по Фаренгейту», основаны и на взаимодействии системы и книг.

Таким образом, вербализация концептов «добро» и «зло» в английской лингвокультуре на материале романа Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» обширна и представлена с помощью отдельных образов, описываемых с помощью лингвостилистических средств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдыкадырова, С.Р., Назарова, М.К. Корреляция понятий концепт, художественный концепт и межкультурный концепт // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 2-1 (65). С. 110-114. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48078356> (дата обращения: 26.09.2023). – Текст: электронный.
2. Арапова, Г.У. Концепт, понятие и значение слова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 1-4. – С. 591-593.
3. Арутюнян, С.М. Нация и ее психический склад. – Краснодар, 1966.
4. Асанова, Т.Б., Гаипова, А.Н. Основные подходы к определению понятия «концепт» // Экономика и социум. 2016. №5-1 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-opredeleniyu-ponyatiya-kontsept> (дата обращения: 26.09.2023). – Текст: электронный.
5. Бабенко, Л.Г., Казарин, Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум /Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – 3-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2005. – 496 с.
6. Байдак, А. В. Экспериментальные исследования концептов «жизнь» и «смерть» / А.В. Байдак // Известия Томского политехнического университета [Известия ТПУ] / Томский политехнический университет (ТПУ) – 2010. – Т. 316, № 6: Экономика. Философия, социология и культурология. — 228-232 с.
7. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. - М.: Издание Московской Патриархии, 1990. - 1372 с.
8. Богданова, Е.А. Культуры в рамках языкового сознания (на примере понятий добра и зла в русской и французской лингвокультурах) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №12-2 (78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennost-kak-realizatsiya-aksiologicheskoy->

funktsii-kultury-v-ramkah-yazykovogo-soznaniya-na-primere-ponyatiy-dobra-i-zla-v-russkoy-i (дата обращения: 05.11.2023). – Текст: электронный.

9. Богомолова, А.Ю., Бочкарева, Т.С. Сложность определения понятия «Концепт» и история его развития в научной теории // Вестник ОГУ. 2014. №11 (172). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slozhnost-opredeleniya-ponyatiya-kontsept-i-istoriya-ego-razvitiya-v-nauchnoy-teorii> (дата обращения: 26.09.2023). – Текст: электронный.

10. Бурдин, И.В., Аввакумова, Н.В. Понятие «Концепт» в литературоведении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kontsept-v-literaturovedenii> (дата обращения: 26.09.2023). – Текст: электронный.

11. Валюкевич, Т.В. Семантико-этимологический анализ лингвокультурного концепта внешность / Т.В. Валюкевич // Вестник Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина. – Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 1964. – N973: Серия: Романо-германская филология. Методика преподавания иностранных языков. Вып.68. – 2011 (-1460 а). – С. 155-159.

12. Вашунина, И. В. Методика изучения концептов немецкой языковой картины мира // Научные школы Московского государственного лингвистического университета. Факультет немецкого языка. – 2019. – С. 46-53.

13. Вольникова, Е. А., Кривошеева, Ю. М. Ключевые концепты английской языковой картины мира // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2015. № 6 (28). – С. 218-222.

14. Гвоздева, А. А. Языковая картина мира: лингвокультурологические и гендерные особенности: На материале художественных произведений русскоязычных и англоязычных авторов: автореферат дис. кандидата филологических наук : 10.02.19 / Кубан. гос. ун-т. - Краснодар, 2004. - 22 с.

15. Гречушкина, Н.В. Добро и зло в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон»: аксиологические аспекты исторических образов // Филологические науки. Вопросы теории и Практики. 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 1. С. 15-19. ISSN 1997-2911. URL: www.gramota.net/materials/2/2017/6-1/3.html (дата обращения: 05.11.2023). – Текст: электронный.
16. Данилова, М. В. Творчество Р. Брэдбери в оценке современных литературоведов //Филологическое образование и современный мир. – 2016. – С. 94-97.
17. Ефремов, В.А. Теория концепта и концептуальное пространство // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. №104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-kontsept-a-i-kontseptualnoe-prostranstvo> (дата обращения: 26.09.2023). – Текст: электронный.
18. Ерофеев, Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853. М., 1982, с. 7.
19. Зарипова, Д. А. Традиции Р. Брэдбери в современной фантастике (П. Мэрфи «Город несколько лет спустя») // Студенческий научный журнал «Грани науки». 2015. Т.3, №3. С. 74-77. URL: http://graninauki.ru/data/documents/Vol3-3_P74-77.pdf (дата обращения: 05.11.2023). – Текст: электронный.
20. Капец, О.В. Проблема добра и зла в наследии М. Бубера и М. Булгакова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. №4 (128). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-dobra-i-zla-v-nasledii-m-bubera-i-m-bulgakova> (дата обращения: 05.11.2023). – Текст: электронный.
21. Касьян, Л.А. Термин «Концепт» в современной лингвистике: различные его толкования // Вестник ЮГУ. 2010. №2 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/termin-kontsept-v-sovremennoy-lingvistike-razlichnye-ego-tolkovaniya> (дата обращения: 26.09.2023). – Текст: электронный.

22. Козлова, Л. Я. Формирование языковой картины мира англичан // Вопросы методики преподавания в вузе. 2016. №5 (19-2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-yazykovoy-kartiny-mira-anglichan> (дата обращения: 13.04.2024). – Текст: электронный.
23. Колижук, Л. В. К вопросу о сопоставлении лингвокультурных концептов добро / зло и good / evil в русской и британской лингвокультурах // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2008. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sopostavlenii-lingvokulturnyh-kontseptov-dobro-zlo-i-good-evil-v-russkoy-i-britanskoy-lingvokulturah> (дата обращения: 13.04.2024). – Текст: электронный.
24. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. Серия «Лингвистическое наследие XX века» / Г. В. Колшанский. – М.: Изд-во КомКнига, 2006. – 128 с.
25. Кравец, О.В. Средства создания образа в произведениях Рэя Брэдбери // The Scientific Heritage. 2022. №94. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-sozdaniya-obraza-v-proizvedeniyah-reya-bredberi> (дата обращения: 15.12.2023). – Текст: электронный.
26. Крючкова, Н. В. Лингвокультурное варьирование концептов сферы физического бытия человека // Известия ВГПУ. 2009. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnoe-varirovanie-kontseptov-sfery-fizicheskogo-bytiya-cheloveka> (дата обращения: 05.04.2024). – Текст: электронный.
27. Кузнецов, Л. А. История написания романа Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» //Г94 Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня. – 2022. – С. 1229.
28. Кусковская, С.Ф. Сборник английских пословиц и поговорок / С.Ф. Кусковская. – Минск.: Выш. шк., 2011. – С. 211.
29. Куцебо, К. А., Гусарова, С. В. Философская интерпретация темы добра и зла в художественной литературе // Научные достижения и открытия 2017. – 2017. – С. 143-147.

30. Лескин, Д. Ю. Метафизика слова и имени в русской религиозно-философской мысли/ Д. Ю. Лескин. – Санкт-Петербург: «Издательство Олега Абышко». - 2008. - (Серия «Библиотека христианской мысли. Исследования»). - 376 с.
31. Лосинская, Е. В. Методики концептуального анализа // Филиал РГСУ. 2014. С. 12.
32. Маркина, Н.В. Художественный мир Рэя Брэдбери: традиции и новаторство: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Нижний Новгород: 2006. – 24 с.
33. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В.А. Маслова. – 2-е изд. – Минск: ТетраСистемс, 2010. – С. 128.
34. Милейко, Е.В., Рус-Брюшнина И.В. Художественный концепт как объект лингвистического исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №11-3 (65). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-kontsept-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 26.09.2023). – Текст: электронный.
35. Нигораи, С. Значение и концепт. Различные подходы в изучении концепта // Вестник Педагогического университета. 2022. № 6-1 (101). С. 154-158. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50457771> (дата обращения: 26.09.2023). – Текст: электронный.
36. Орлова, Т. Г., Никулина, Е. Ф. Выражение добра и зла в английских и русских пословицах как отражение менталитета английского и русского народов // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyrazhenie-dobra-i-zla-v-angliyskih-i-russkih-poslovitsah-kak-otrazhenie-mentaliteta-angliyskogo-i-russkogo-narodov> (дата обращения: 13.04.2024). – Текст: электронный.
37. Печагина, Т.В. Добро и зло как категориальные концепты // Вестник ЧелГУ. 2011. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dobro-i-zlo>

kak-kategorialnye-kontsepty (дата обращения: 10.12.2023). – Текст: электронный.

38. Пименова, М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // СибСкрипт. 2013. №2 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/typy-kontseptov-i-etapy-kontseptualnogo-issledovaniya> (дата обращения: 01.10.2023). – Текст: электронный.

39. Подвигина, Н.Б. Понятие концепта и концептосферы // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2007. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kontsepta-i-kontseptosfery> (дата обращения: 04.04.2024). – Текст: электронный.

40. Попова, З.Д., Стернин И.А. Концепты и межкультурная коммуникация. // Вестник Самарского Государственного Университета, <http://ssu.samara.ru/~vestnik/est/>, Серия "Лингвистика И Межкультурная Коммуникация", № 1, 2002

41. Попова, Л.В. Подходы к определению концепта // Вестник ЮУрГГПУ. 2013. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-opredeleniyu-kontsepta> (дата обращения: 26.09.2023). – Текст: электронный.

42. Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта: учебное пособие / Ю. Е. Прохоров. – 5-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2021. – 175 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=83628> (дата обращения: 26.09.2023). – Библиогр. в кн. – ISBN 978-5-9765-0047-1. – Текст: электронный.

43. Рыжкина, А.А. О методах анализа концепта // Вестник ОГУ. 2014. №11 (172). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-metodah-analiza-kontsepta> (дата обращения: 01.10.2023). – Текст: электронный.

44. Самситова, Л. Х., Ташбулатова, Р. М. Концепт в современной лингвистической литературе: основные подходы и направления его изучения // Вестник Башкирск. ун-та. 2015. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-v-sovremennoy-lingvisticheskoy->

literature-osnovnye-podhody-i-napravleniya-ego-izucheniya (дата обращения: 26.09.2023). – Текст: электронный.

45. Сергеева, Е. В. Интерпретация термина «концепт» в современной лингвистике / Е. В. Сергеева. – М., 1998.

46. Словарь ассоциативных норм русского языка / Под редакцией А.А. Леонтьева. – М. – 1977.

47. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М., 2001.

48. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие. – М.: Слово, 2008. – 264 с.

49. Титова, Ю. и др. Структура концепта и методы его описания // Вестник Ульяновского государственного технического университета. – 2010. – №. 4 (52). – С. 16-21.

50. Титова, Ю.В. Теория концепта // Вестник УлГТУ. 2010. №3 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-kontsepta> (дата обращения: 26.09.2023). – Текст: электронный.

51. Уорф, Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1960. – Вып. 1. – С. 174.

52. Хазуева, Б. А., Батаева, Х. И. Тема добра и зла: примеры из разных литератур // Наука в современном мире: взгляд молодых ученых. – 2023. – С. 353-357.

53. Хаметова, М. Ф. Национально-культурные особенности концепта «Дружба» в англоязычной картине мира // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2010. №1 (177). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-kulturnye-osobennosti-kontsepta-druzhba-v-angloyazychnoy-kartine-mira> (дата обращения: 13.04.2024). – Текст: электронный.

54. Хань Ци, Сюй Пэй Сравнительное изучение представление о добре и зле в русских и китайских народных сказках // МНКО. 2019. №3 (76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnoe-izuchenie-predstavlenie-o>

dobre-i-zle-v-russkih-i-kitayskih-narodnyh-skazkah (дата обращения: 18.05.2024). – Текст: электронный.

55. Яковлева, Е. С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова / Е. С. Яковлева // Вопросы языкознания. – 1998. - №3.

56. Barsalou, L. W. (1993). Flexibility, structure, and linguistic vagary in concepts: Manifestations of a compositional system of perceptual symbols. In A. Collins, S. Gathercole, M. Conway, & P. Morris (Eds.), *Theories of memory* (pp. 29-101). Hove, UK: Lawrence Erlbaum Associates.

57. Eller J. R. *Ray Bradbury Unbound*. – University of Illinois Press, 2014.

58. Gale C. L. *A Study Guide for Ray Bradbury's Fahrenheit 451*. – Gale, Cengage Learning, 2015.

59. Habibovna U. Z., Nargiza R. The usage of stylistic devices in depicting vivid picture of life in “Fahrenheit 451” by Ray Bradbury //Integration Conference on Integration of Pragmalinguistics, Functional Translation Studies and Language Teaching Processes. – 2023. – С. 153-155.

60. Joodaki A. H. The Ubiquitous Effect of Television and Dominant Surveillance in Ray Bradbury’s Fahrenheit 451 //Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. – 2015. – Т. 7. – №. 3. – С. 223-230.

61. Krafft A. *Becoming Ray Bradbury*. – 2014.

62. Makarowska, Olga. (2013). A “concept” and a “literary concept” in a conceptological approach. *Studia Rossica Posnaniensia*. 159-170. 10.14746/strp.2013.38.11.

63. McMillan G., Palumbo D. E., Sullivan III C. W. (ed.). *Orbiting Ray Bradbury's Mars: Biographical, Anthropological, Literary, Scientific and Other Perspectives*. – McFarland, 2013. – Т. 41.

64. Monakhova E. Cognitive and pragmatic approach to using stylistic devices in English literary discourse //Training, Language and Culture. – 2019. – Т. 3. – №. 1. – С. 37-52.

65. Suphap A. Analysis of Dystopian World in Ray Bradbury's Fahrenheit 451 //the 11th Hatyai National and International Conference. – 2020.

66. Toth M. Bradbury's Message in Fahrenheit 451 //The Idea of an Essay. – 2014. – Т. 1. – №. 1. – С. 14.

67. Vazira M. Analysis of Ray Bradbury's Fahrenheit 451 //Intellectual Education Technological Solutions And Innovative Digital Tools. – 2023. – Т. 2. – №. 18. – С. 68-71.

Словари и справочники

68. Большой толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: АСТ, 2004. — 1268 с.

69. Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.cambridge.org>.

70. Merriam-Webster. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/>

71. Oxford Learner's Dictionaries. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>

Источники иллюстративного материала

72. Брэдбери, Р. Д. 451 градус по Фаренгейту: книга для чтения на английском языке. – Санкт-Петербург: КАРО, 2016. – 224 с. – (Modern Prose).